1891.

Историческая монографія

сост. Ц. К. Стороженевскимъ.

КОЧУБЕЙ и ИСКРА.

Цѣна коп.

Житоміръ, Типографія М. Денемана.

ДЕЛО ЧЕТВЕРТОВ

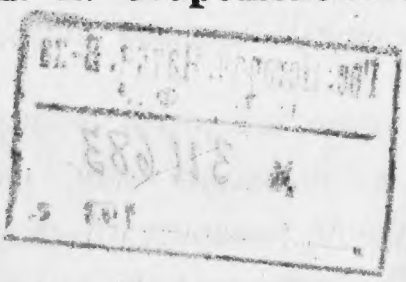
Александр Конан Дойл

Типография Т-ва А. Суворина

КОЧУБЕЙ и ИСКРА

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ.

Соч. Н. К. Сторожевскаго.



ЖИТОМІРЪ

Типо-литографія М. Денемана.

1890.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 31 Октября 1890 г.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
№ 311683.
193 г.

ПРЕДИСЛОВЬЕ.

Составляя настоящую Монографію, я имѣлъ цѣлью сгруппировать всѣ историческіе факты, относящіеся къ дѣлу Кочубея и Искры, составляющему одинъ изъ замѣчательныхъ эпизодовъ исторіи Малороссіи. Въ слѣдственномъ дѣлѣ о нихъ рельефно обрисовываются характеры, нравы и домашняя жизнь, невинно погибшихъ жертвъ честолюбья и мстительности Мазепы и сквозь весь рядъ актовъ и переписки, ясно просвѣчивается не безкорыстное содѣйствіе птенцовъ Петра, видамъ и желаніямъ Мазепы и необъяснимое, слѣпое довѣрье Петра къ вѣрности его.—

При сгруппировкѣ всего, касающаго къ настоящему дѣлу, источниками мнѣ служили исторіи Малороссіи Марковича, Бантышъ-Каменскаго, Монографіи Костомарова, исторія Соловьева и лѣтописи Грабянки, Велички и др.—а преимущественно Источники Малороссійской исторіи, собранные Бантышъ-Каменскимъ изд. О. Бодянскимъ.

Николай Сторожевскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

КОЧУБЕЙ и ИСКРА.

(МОНОГРАФІЯ.)

Дѣло Кочубея и Искры составляетъ одинъ изъ тѣхъ эпизодовъ, которые, оставляя на страницахъ исторіи едва замѣтный слѣдъ, остаются въ памяти народа надолго, облекая поэтическимъ ореоломъ лицъ, дѣйствующихъ въ данномъ событіи.

Въ то время когда Россія, въ послѣдней четверти XVII и началѣ XVIII столѣтія, переживала тяжелую борьбу съ внутренними и внѣшними врагами, въ Малороссіи постоянно происходила внутренняя соціальная борьба.

Богатые, родовые и знатные козаки, ополячившіеся паны, къ которымъ относилась Старшина, владѣвшая, по урядамъ и должностямъ своимъ, доходами съ имѣній, люди получившіе польское воспитаніе и по рожденію или по жалованью облеченные шляхетскимъ званіемъ и вообще войско, составляли лагерь сильный богатствомъ, вліяніемъ и польско-шляхетскимъ образованіемъ; къ другому лагерю примыкала цѣлая масса черни, т. е. простыхъ козаковъ и остальнаго народа—посполитыхъ, всегда враждебно относившихся къ польскому направленію, шедшему въ разрѣзъ съ народными стремленіями.

Старшина и войско тяжело налегли на остальное народонаселеніе, сельское. Началась борьба. Какъ предмѣстники Мазепы, такъ и онъ, воспитанный въ Польшѣ, естественно не могъ не примкнуть къ той средѣ, которой болѣе симпатизировалъ, по своимъ личнымъ видамъ, къ упроченію своей власти. Старшина и полковники хотѣли самостоятельно, безконтрольно вѣдать полками, не отдавая отчета, ни Гетману, ни войску. Простое козачество поддерживало первоначальное козацкое выборное устройство, при которомъ Гетманъ и Старшина вполнѣ зависѣли отъ воли народной. При такихъ условіяхъ, внутреннее, домашнее, такъ сказать, положеніе Гетмана, было тяжелымъ. Избраннымъ вольными голосами на радѣ, окруженнымъ людьми, которые при первомъ неудовольствіи, при первомъ сопротивленіи ихъ произволу, становились ихъ врагами, искали случая свергнуть ихъ, замѣчая каждое движеніе, каждое слово, чтобы заподозрить ихъ въ Москвѣ предъ Царемъ, Гетманамъ приходилось лавировать передъ русскимъ правительствомъ и малорусскимъ народомъ и войскомъ. Такъ было и во время Гетманства Мазепы. Царь требовалъ участія Малороссіи въ войнѣ Шведской, требовалъ полки козацкіе въ Лифляндію, посылалъ ихъ къ Паткулю въ Польшу, заставлялъ ихъ укрѣплять Кіевъ. Это возбуждало сильное неудовольствіе и казаковъ, и старшинъ, боявшихся преобразованій Петра. Еще болѣе ропотъ на Гетмана усилился, когда угождая русскому правительству, въ финансовыхъ расчетахъ котораго, было удержать переходъ посполитыхъ въ козачье сословіе, Мазепа позволилъ Старшинѣ обращать козаковъ въ посполитые, ввелъ панщину (барщину), кромѣ дани за землю вла-

дѣльцамъ, воспретилъ переходъ посполитыхъ въ козачье сословіе и тѣмъ вооружилъ противъ себя всю малороссійскую простонародную массу. Ненависть и общее неудовольствіе, въ теченіи всего Гетманства Мазепы, выражались по малороссійскимъ привычкамъ, цѣлымъ рядомъ тайныхъ пасквилей и доносовъ Петру, обвинявшихъ сначала Мазепу – то въ участіи въ заговорахъ, то въ сношеніи съ Ханомъ, съ Польскимъ королемъ, съ цѣлью передать Украину подъ власть Польши, Крыма. Но Царь былъ расположенъ къ Мазепѣ, зналъ его затруднительное положеніе въ Малороссіи и тѣмъ болѣе цѣнилъ способности и усердіе Мазепы, умѣвшаго исполнять Царскія приказанія.

Тревожимый со всѣхъ сторонъ, Гетманъ при помощи друзей своихъ при дворѣ Царскомъ—Меньшикова, Шереметьева, Голицына, Шафирова,—всегда успѣвалъ поддержать кредитъ свой и непоколебимое довѣріе Петра,—оттого то и всѣ попытки поколебать ихъ, оканчивались гибелью его враговъ. Погибъ въ жестокихъ мученьяхъ, выданный Мазепѣ, чернецъ Соломонъ, личность странная, неразгаданная исторіею, какъ видно, орудіе враговъ Мазепы. Усмирены враги Мазепы: Гадячскій полковникъ Самойловичъ, Переяславскій полковникъ Дмитрашко-Раичъ и по подозрѣнію Мазепы, сосланы въ Сибирь, затѣмъ зять гетмана Самойловича, князь Четвертынскій съ женою и тещею переселены въ Москву; Леонтій Полуботокъ, Переяславскій полковникъ, лишенъ должности полковника, Бѣлоперковскій полковникъ Семенъ Палій схваченъ Мазепою въ Бердичевѣ и по приказанію русскаго правительства отправленъ въ ссылку въ Енисейскъ, Даніилъ Забѣла, Бунчуковый товарищъ, съ Андреемъ

Солониною и попомъ Леонтіемъ, обвинявшіе Мазепу въ сношеніяхъ съ Ханомъ, изъ Москвы отправлены въ Батуринъ и послѣ пытокъ и истязаній за то, что „отъ своей злости и безумія, наводили на высокую честь Гетмана и на всечесную матерь его тяжкія поклепные потворы,“ судомъ войсковымъ приговорены къ смертной казни и отнятію на войсковой скарбъ имущества, но Мазепа замѣнилъ смертную казнь пожизненнымъ заключеніемъ въ Сибирь. Стараясь всякими способами заслужить милость Царя, Мазепа то и дѣло жаловался на мятежный духъ малороссовъ, представлялъ Царю письма Станислава Лещинскаго, жалуясь, что враги оскорбляютъ его, считая способнымъ измѣнить Государю, предложилъ въ даръ Царю 1000 лошадей, въ то время когда Царь особенно въ нихъ нуждался для войска.

Преданность, вѣрность къ Царю и усердіе Гетмана въ приведеніе въ исполненіе предначертанныхъ Петромъ мѣръ постепеннаго введенія въ Малороссіи великорусскихъ порядковъ, въ глазахъ Петра, ставили Мазепу на степень вѣрнѣйшаго слуги Царскаго.

Трудно было кому нибудь вооружить Петра противъ любимаго Гетмана, искусно прикрывавшаго, видимою преданностью и вѣрностью, измѣнническіе свои замыслы. Между тѣмъ въ Малороссіи, чуть не при самомъ домѣ Гетмана, созрѣлъ доносъ, самый крупный въ ряду всѣхъ доносовъ, такъ обильно сыпавшихся на него въ теченіи всего его Гетманства, это былъ доносъ Старшинъ малороссіи, людей занимавшихъ видное положеніе, людей близкихъ Гетману— Генеральнаго судьи Василія Леонтьевича Кочубея и бывшаго Полтавскаго полковника Ивана Искры.

Дѣдъ Кочубея, выходецъ изъ Крыма, въ XVI ст. принадлежалъ къ знатнѣйшимъ благороднѣйшимъ Татарскимъ фамиліямъ, имѣвшимъ званіе Беевъ, – званіе которое среди Татаръ, было первымъ послѣ владѣтельной фамиліи Ченгисъ-Ханской и присвоялась только поколѣніямъ отъ Ширина и Мансура происходящимъ. Не извѣстно, что заставило его покинуть родину, поселиться въ Украинѣ подъ именемъ Кочу-бея, принять православіе и вступить въ службу войска малороссійскаго. При крещеніи нареченъ онъ Андреемъ. Сынъ его Леонтій былъ значковымъ товарищемъ, а сынъ Леонтія, Василій Леонтьевичъ достигъ званія сперва въ 1687 году, при Царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ, малороссійскаго Генеральнаго писаря, а затѣмъ, въ 1694 году Генеральнаго судьи и за службу подъ Азовомъ и въ другихъ походахъ, за слѣдствіе о Гетманѣ Самойловичѣ, награжденъ деревнями. Такъ изъ рода выходцевъ Крымскихъ, Кочубей поселился въ Украинѣ и заслугами новой родинѣ утвердившись въ ней, вошелъ въ составъ знатнаго малороссійскаго козачества.

Мазепа и Кочубей издавна были близкими пріятелями, оба служили при Дорошенкѣ; Кочубей ѣздилъ отъ него въ Адріанополь, потомъ съ Мазепою служили у Самойловича. Дружеская связь ихъ и послѣ избранія Мазепы Гетманомъ, продолжалась. *)

Гетманъ былъ кумомъ Кочубея, крестилъ дочь его Матрену; другая дочь Кочубея Анна, вышла за племянника Гетмана Обидовскаго.

---

*) **Примч.** Хотя изъ письма Мазепы къ Кочубею, послѣ ссоры ихъ писаннаго видно, что въ теченіи 16 лѣтъ бывали временныя между ними неудовольствія. «Чрезъ 16 лѣтъ прощалося и пробочалося великимъ и многимъ вашимъ смерти годнымъ преступкамъ,» пишетъ Мазепа,—вѣроятно намѣкая на сношенія Кочубея съ Петрикомъ.

Эта связь съ Гетманомъ-кумомъ, урядъ Генеральнаго судьи, значительныя маетности, по ходатайству Мазепы, грамотами Царскими утвержденныя за Кочубеемъ, все это давало фамиліи Кочубеевъ почетное мѣсто среди Старшины малороссійской.

Иванъ Ивановичъ Искра, принадлежалъ тоже къ знатному и заслуженному роду въ войскѣ Запорожскомъ. Дѣдъ его сражался съ поляками при Голтвѣ и при Лубнахъ; отецъ его Иванъ, въ 1652 г. былъ посылаемъ къ Царю Алексѣю Михайловичу съ просьбою о принятіи его съ войскомъ Запорожскимъ въ подданство; на дочери его, Искры, Евдокіи, женатъ былъ сынъ Хмѣльницкаго, отъ жены Анны, Данило. Самъ Иванъ Искра былъ Полтавскимъ полковникомъ. Посланный въ Лифляндію съ полкомъ, онъ подъ Ексефероиъ „ломалъ Шведскіе гуфы,“ подъ Ругодевомъ при „лицѣ монаршемъ працовита была его служба.“

Совсѣмъ иныя отношенія были Мазепы къ Искрѣ. Подъ предлогомъ подозрѣнія Искры въ тайной корреспонденціи и согласіи съ Крымскимъ Ханомъ и Беемъ Перекопскимъ, Мазепа удалялъ его отъ полка, отправлялъ въ походы къ Ригѣ, и въ тоже время развращая его жену, навлекалъ подозрѣніе Царя на мужа.

Нѣтъ сомнѣнія, что ни Кочубей, ни Искра не знали и не сочувствовали замысламъ Мазепы, да самъ Мазепа еще неокончательно рѣшился на измѣну. Ему, старому опытному Гетману, предстояла сильная борьба.

Если непобѣдимый Карлъ, съ непобѣдимымъ войскомъ одолѣетъ, при неудовольствіи народа на него, и на существовавшія тогда въ Малорссіи порядки,

что станетъ съ нимъ, Гетманомъ, вѣрнымъ слугою Царскимъ? Вотъ вопросъ, который составлялъ сущность дѣла.

Поставленный между двухъ огней, Мазепа искалъ спасенія въ хитрости. На всякій случай онъ сносился съ Станиславомъ, въ преспективѣ, надѣясь съ помощью его и Карла, стать владѣтельнымъ Княземъ Сѣверскимъ. Сношенія эти, при всей ловкости Мазепы, не могли остаться тайною въ Малороссіи, знаменитой доносами на Гетмановъ. Мазепа зналъ это хорошо и не переставалъ трепетать съ тѣхъ поръ, какъ завелъ сношенія съ врагами Царскими.

Между тѣмъ, въ семьѣ Кочубеевъ разыгралась драма, имѣвшая гибельныя послѣдствія для всей семьи. Между престарѣлымъ Гетманомъ и крестницею его, дочерью Кочубея, Матреною, возникла любовная связь. Овладѣла ли дѣвушкою странная, хотя небезпримѣрная страсть къ старику, стоявшему выше другихъ, не по одному Гетманскому достоинству, но выдававшемуся изъ среды умомъ гибкимъ и льстивымъ польскимъ обращеніемъ, или дѣйствовало честолюбіе, желанье быть Гетманшей—рѣшить трудно.

И вотъ, шестидесятилѣтній старикъ превратился въ пылкаго юношу, изъ властелина сдѣлался рабомъ, умолялъ жестокую прислать ему частицу волосъ, похищалъ за дорогія деньги красный коралъ, который она носила на шеѣ, платье ея, держалъ ихъ при себѣ и орошалъ слезами. Самолюбіе женское не выдержало, и Матрена полюбила Мазепу.

Сперва, увлеченный Гетманъ сдѣлалъ предложеніе Кочубеямъ, желая вступить въ бракъ съ Матреною, но родители съ ужасомъ отвергли его, какъ про-

тивное церковнымъ уставамъ. Мать Матрены, гордая и вздорная женщина, стала обращаться съ дочерью сурово и довела ее до того, что она бѣжала изъ родительскаго дому къ Гетману—и гордая, неприступная дочь Кочубея, стала любовницею Мазепы.

Отчаяніе родителей было невыразимо, „въ дому моемъ," пишетъ Кочубей, „содѣяся плачъ и рыданіе „и вопль многъ, немогій терпѣти соболѣзнующихъ „мною его словъ, возврати мнѣ дщерь, посылаемую „Григоріемъ Аненкомъ, глаголя: Не токмо дщерь вашу „силенъ Гетманъ взяти, но и жену твою отъяти отъ „тебя можетъ."

Молва о позорѣ разнеслась по всей Украинѣ; Мазепа долженъ былъ отослать дочь къ родителямъ, но этимъ не помѣшалъ разгласить о позорѣ и похищеніи. Положеніе, возвращенной къ родителямъ, Матрены стало невыносимо; мать мучила ее жестокимъ обращеніемъ, отецъ, подъ вліяніемъ жены, поступалъ, какъ она хотѣла. Матрена плакала, ее уговаривали, ей угрожали. Она бранилась—ее наказывали, она плевала на отца и мать, клялась умереть въ объятіяхъ Мазепы, сердилась на Мазепу, что отдалъ ее родителямъ, гдѣ ее мучатъ.

„Прельщая своими рукописными грамотами дщерь „мою, посылая ей дары различные, яко единой отъ „наложницъ, Мазепа", „егда не возмогъ лестью, пре„клонися ко обаянію и чародѣянію и сотвори дѣй„ствомъ и обаяніемъ, еже дщери моей „возбѣситися „и бѣгати, на отца и матерь плевати," доноситъ Кочубей Государю.

Эти рукописанныя грамотки стараго Ловеласа-Гетмана, отобранныя отъ Кочубея, сохранились при

дѣлѣ—(см. приложеніе). Въ нихъ выражалась и сила любви престарѣлаго Гетмана и его мстительность и ненависть къ „врагамъ," къ матери „катувкѣ" (палачкѣ). Въ одномъ только изъ писемъ Матрены, сохранившимся,—дочь вельможи Малороссіи, дочь благочестивыхъ родителей,—на письма Мазепы, поносящія и проклинающія ея родителей, отвѣчаетъ: „Же хотъ сякъ, хочь такъ буде, а любовь межъ нами не отнимется. Нехай Богъ несправедливаго карае; а я хочь любишь, хочь нелюбишь мене, до смерти тебе подлугъ слова своего, любыты и сердечне кохаты не перестану, на злость моимъ ворогамъ."

Этотъ семейный эпизодъ, можетъ быть при другихъ обстоятельствахъ, въ другое время, при значеніи Мазепы, вліяніи на духовенство и всемогущей волѣ Петра, для любимца и вѣрнаго слуги—Гетмана, окончился бы просто бракомъ его съ крестницею. Но въ то время уже начинали созрѣвать замыслы Мазепы,—и уже въ Малороссіи поселились слухи, къ которымъ чутко прислушивались враги Гетмана. Между Гетманомъ и Кочубеемъ, возгорѣлась, раздутая гордою, самолюбивою женою Кочубея, сильная вражда. Кочубей въ письмѣ Мазепѣ, послѣ возвращенія дочери выразилъ, „свой жаль, свои упреки Ясно-„вельможному, пану Гетману, вельце милостивому па-„ну и великому добродѣю, въ томъ тяжкомъ смутку „всегда съ бѣдною супругою плачучи, не можетъ бы-„вати у Его Вельможности, въ чемъ до стопи ногъ Его „Вельможности рабско кланяющися, принайпокорнѣйше „просить милостиваго разсмотрительнаго пробаченія." Отвѣтъ Мазепы на это письмо еще больше разжогъ вражду и ненависть, задѣвъ велерѣчивую назван-

ную „огономъ„ т. е. хвостомъ,—Кочубееву. Вотъ это письмо:

Пане Кочубей!

Доносишь намъ якійсь свій сердечный жаль, рачій бы належало скаржитися на свою гордую, велеречивую жену, которую якъ вижу невмѣешь, чи не можешь повстягнути и предложите тое: же ровній мунштукъ, якъ на коня, такъ и на кобыли кладутъ; она то, а не кто иншій печали твоей причиною, ежли якая на сей часъ въ дому твоемъ обрѣтается. Неможешь правду рекши, нѣкогда свободенъ быти отъ печали, а бардзе своего здоровья певенъ, паки съ сердца своего бунтовщичаго духу невыблюнетъ, которій, такъ разумѣю, не такъ зъ уломности натуральной, яко зъ подусти женской къ себѣ имѣетъ и если съ Божкаго презрѣнія, тоби и всему дому твему зготовалася яка пагуба, то не накого иншаго нарекати и плакати, тилько на свою и женскую проклятую пыху, гордость и высокоумье имѣешь; чрезъ лѣтъ 16, прощалась и пробачалась великимъ и многимъ вашимъ, смерти годнымъ проступкамъ, однако ничего добраго, якъ вижу нетерпливость, ни добротливость моя не могли справити, а що взменкуешь въ томъ же своемъ пашквильномъ письмѣ о якимъ-ся блуди, того я незнаю и неразумѣю, хиба самъ блудишь, коли жонки слухаешь, бо посполите мовить, gdzie ogoń rządzi tam pewno głowa błądzi.

Загорѣлся сыръ-боръ. Побуждаемый женой, Кочубей сталъ искать случая отмстить Гетману за свою обиду.

„Бо южъ большь ворогамъ своимъ не буду терпѣти, конечне отмщеніе учиню, а какое сама оба-

„чишь," пишетъ озлобленный на Кочубея Мазепа, Матренѣ. Несомнѣнно, что Мазепа, которымъ „пробачались въ теченіи 16 лѣтъ" великіе и многіе смерти годные проступки Кочубея, можетъ быть имѣлъ въ рукахъ какія либо данныя старыхъ грѣшковъ Кочубея, сношеній его съ Петрикомъ, съ Ханомъ Селимъ-Гирѣемъ, которыми хотѣлъ воспользоваться на пагубу Кочубея. Кочубей спѣшилъ предупредить Мазепу, и доносомъ своимъ, самъ отдалъ себя въ руки Мазепѣ.

Въ Сентябрѣ 1707 г., въ извѣстномъ тогда Преображенскомъ Приказѣ, іеромонахъ Сѣвскаго Спасскаго Монастыря Никоноръ, показалъ: 1) что съ товарищемъ своимъ того же монастыря, монахомъ Трофиміемъ, возвращаясь изъ Кіева чрезъ Батуринъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ, сѣлъ за городомъ подлѣ земляного вала отдохнуть, въ то время подошелъ къ нимъ Батуринскій козакъ, имя котораго онъ запамятовалъ, распрося ихъ, кто они таковы, откуда и куда идутъ, позвалъ къ наказному Гетману Василію Кочубею, выхваляя его, что онъ милостивъ къ страннымъ, и когда они въ домъ его пришли, Кочубей по распросѣ, велѣлъ ихъ накормить и отвести въ особенную для переночеванія избу; на другой день, слушали въ церквѣ Кочубеевой обѣдню, накормлены были за однимъ столомъ съ сыномъ его Василіемъ, и жена Кочубея Любовь, подарила имъ по холсту польскаго полотна, по два полотенца и Кочубей далъ 2 рубля въ монастырь для поминовенія его и ему Никонору собственно ефимокъ, а Трофимію чеками семь алтынъ и когда они хотѣли идти въ свой путь, то они были уняты еще переночевать у нихъ. Назавтрѣе онъ былъ позванъ одинъ въ садъ, введенъ въ шатеръ, въ кото-

ромъ былъ Кочубей съ женою вдвоемъ, и Кочубей распрашивалъ его о родѣ его и предъ образомъ Богородицы говорилъ ему: можно ли мнѣ тебѣ повѣрить тайну, которую хочу открыть и, когда поклялся ему, что оныя не пронесетъ никому, тогда Кочубей и жена его стали бранить Гетмана своего Мазепу, называя его бездѣльникомъ, блудникомъ и беззаконцемъ, что онъ хотѣлъ родную дочь ихъ, а свою крестницу, взять за себя замужъ и послѣ ихъ отказа, зазвавъ къ себѣ изнасиловалъ.

Послѣ этого, жена Кочубея послала мужа изъ саду на дворъ къ челобитчикамъ, а сама вышла изъ саду и взявъ его за руку, идя по саду говорила: Такой онъ Гетманъ воръ, хотѣлъ онъ насъ разорить — былъ онъ у насъ на имянинахъ мужа моего 1-го Генваря и говорилъ намъ, для чего мы ему своей дочери не отдали, а она ему сказала: полно тебѣ коварничать, не только ты нашу дочь изнасиловалъ, ты и съ насъ головы рвешъ: будто мы съ мужемъ переписывались въ Крымъ. Писарь твой, умирая далъ мужу моему письмо своей руки, что ты на насъ затѣвалъ, именемъ мужа моего писалъ въ Крымъ. Еслибъ Государь Великій шелъ черезъ Батуринъ, то я бы на Гетмана сама побила челомъ и обо всемъ донесла.

Тѣмъ разговоръ и кончился; опять обѣдали съ старшимъ сыномъ Кочубеевымъ и послѣ обѣда предъ прощаньемъ, Кочубей велѣлъ ему Никонору пріѣхать къ себѣ съ архимандритомъ своимъ, обѣщая дать большой вкладъ въ монастырь: лошадей, коровъ, овецъ. По прибытіи въ монастырь о семъ обѣщаніи Кочубеевомъ сказалъ онъ архимандриту, но онъ не могши самъ отлучиться, прислалъ его Никонора, да Тро-

фимія къ Кочубею съ письмомъ своимъ и просфирами и того-же года Августа 26 дня, онъ къ Кочубею прибылъ и принятъ былъ ласково, ночевалъ у него. На другой день по утру рано, пришла къ ихъ свѣтлицамъ какая то женщина, велѣла ему выслать Трофимія и крестьянъ, пріѣхавшихъ съ нимъ и сказала: „велѣлъ тебѣ Наказной Гетманъ Кочубей ходить къ себѣ „безъ осылки, усмотря какъ у свѣтлицъ его людей не „будетъ, а какъ къ нему во свѣтлицу пойдешь, у свѣт„лицъ двери запирай.“ Онъ въ полдень пошелъ къ нему и идучи у сѣней и свѣтлицъ двери заперъ закладками и кручьями и пришелъ до его спальни, у которой двери были завѣшены ковромъ. Когда онъ сотворилъ Іисусову молитву, Кочубей вышелъ къ нему изъ спальни одинъ и спросилъ нѣтъ ли кого съ нимъ другихъ людей и заперты ли всѣ двери? Самъ пошелъ осмотрѣть и возвратись заставилъ его цѣловать крестъ, что онъ не пронесетъ ничего, что онъ будетъ ему говорить. Тутъ пришла жена его Любовь, принесла крестъ благословящій, писанный на деревянной доскѣ и съ великимъ плачемъ говорила: какъ Богъ страдалъ за насъ на крестѣ, такъ и намъ надобно страдать за Великаго Государя. Всѣ они цѣловали крестъ и Кочубей сталъ говорить: что Гетманъ Мазепа хочетъ отложиться къ Ляхамъ и Московскому Государству хочетъ учинить великую пакость, плѣнить Украину и Государевы города и велѣлъ ему Никонору, ѣхать къ Москвѣ и донести о томъ Боярину Ивану Алексѣевичу Мусину Пушкину, чтобы Гетмана захватить въ Кіевѣ, а его Кочубея уберечь, чтобъ онъ Мазепа не убилъ его, и далъ Кочубей ему Никонору семь золотыхъ червонныхъ монетъ, да 12

ефимковъ на наемъ подводъ и онъ Никоноръ для того извѣту пріѣхалъ къ Москвѣ. На этомъ распросѣ дѣло пока и остановилась.

Государя въ это время небыло въ Москвѣ, онъ занятъ былъ шведскою войною; дѣлу не дали хода. Но прошло 4 мѣсяца и въ началѣ 1708 г., дѣло разгорѣлось въ Малороссіи. Видя первую неудачу, Кочубей сталъ искать другихъ путей и къ намѣренію своему склонилъ свояка своего, бывшаго полковника Полтавскаго Ивана Искру, того-же полка сотника Петра Коваиьку и общаго ихъ духовника, а Искры сродника, Полтавскаго Спасскаго священника Ивана Свѣтайла. Свѣтайло отправился, по порученію Искры, къ Ахтырскому полковнику Осипову, просить у него для Искры свиданія по Государеву дѣлу.

Полковникъ Осиповъ съѣхался съ Искрою въ пасекѣ своей надъ рѣкой Коломакомъ. Искра, подъ именемъ Божіимъ и подъ клятвою душевною, являя вѣрность къ Великому Государю, генеральнаго судьи Василія Кочубея и свою, сказалъ: послалъ меня Кочубей изъявить тайну, что Гетманъ Мазепа согласившись съ Королемъ Лещинскимъ и съ Вишневецкимъ умышляетъ на здоровье Великаго Государя, какъ-бы его въ свои руки ухватить или смерти предать. Хотѣлъ онъ это сдѣлать во время пріѣзда въ Батунинъ Кикина. Гетманъ думалъ, что подъ именемъ Кикина пріѣдетъ самъ Царь, и велѣлъ, какъ будто для встрѣчи, поставить своихъ вѣрныхъ жолнеровъ и слугъ, которые у него отъ Короля Лещинскаго, съ заряженными ружьями и приказалъ имъ, какъ только Государь войдетъ въ дворъ выстрѣлить въ него. Узнавъ же, что Царскаго Величества тутъ нѣтъ, только Кикинъ, велѣлъ имъ разойтись. Въ прошлый Филиповъ постъ хотѣлъ итти съ

Полками на Великорусскіе города, но за оттепелью злое его намѣреніе не сбылось; Днѣпръ не сталъ. Теперь умышляетъ Днѣпръ перейти и въ Бѣлую-Церковь убраться и совокупясь съ Королемъ Лещинскимъ, Государеву Державу разорить. Въ народѣ возмущеніе разглашалъ, будто Царь велѣлъ козаковъ писать въ солдаты, а войско Запорожское тайно подсылаетъ прельщать и стращать, будто Царь, не любитъ ихъ; велитъ разорить и мѣсто ихъ опустошить, а Запорожцы испуганные готовы къ войнѣ. Старшина полковая, хотя подозрѣваетъ его злое намѣреніе, однако извѣстить Государя не можетъ, одни по вѣрности Гетману, другіе изъ страха, третьи, видя къ нему милость Государя, что неповѣритъ. А лучше всѣхъ прото вѣдаетъ Секретарь его, генеральный писарь, Орликъ. Кочубей и Искра Царскому Величеству доносятъ и просятъ, чтобъ сіе укрыто было, для того, чтобъ никто изъ ближнихъ Секретаря и Князя Александра Даниловича ему о всемъ не донесъ. Теперь Кочубей, отбываясь отъ судейства, притворился больнымъ и живетъ въ имѣньи своемъ Диканькѣ, а Искра жилъ въ Полтавѣ, съ собою въ походъ Гетманъ его не взялъ, потому будто въ войскѣ онъ непотребенъ.

Ахтырскій полковникъ объ этомъ далъ знать Князю Голицыну, Кіевскому Воеводѣ, а въ тоже время, отъ него Осипова явились въ Москву къ Московскому коменданту Князю Гагарину, 23 Февраля, два человѣка Черкасъ съ великимъ Царственнымъ дѣломъ и явили ему три письма, одно Государю, другое Царевичу и третье Меньшикову. Въ письмѣ Царевичу Ахтырскій полковникъ пишетъ, что посланъ отъ него писарь и съ нимъ приказано донести на словахъ. Гагаринъ донося объ

Гос. Историч. Музей. Б-ка НКП РСФСР

томъ Царю прибавляетъ, чтобъ объ измѣнѣ Гетмана выразумѣвъ, что ее приносятъ, на него непріятели его, писаря за карауломъ послалъ въ Угрѣшенскій Монастырь, а вѣдомость сію явилъ г.г. Министрамъ и полагаетъ что взводятъ то на него по ненависти.

Между тѣмъ, еще раньше Кочубей, по совѣту попа Свѣтайла, нарядя Полтавскаго жителя перекреста Петра Янценка, или Яковлева съ словеснымъ извѣтомъ, въ Январѣ мѣсяцѣ 1708 года послалъ въ Москву къ Благовѣщенскому протопопу, Царскому духовнику, а сей представилъ его Яковлева, Царевичу Алексѣю Петровичу, и по приказу Его Высочества онъ Яковлевъ написалъ своею рукою то все, что велѣлъ ему Кочубей извѣстить на словахъ, а именно: 1-е) Что Гетманъ Мазепа имѣетъ согласіе съ Королемъ и Лещинскимъ, и намѣряется съ Малороссіею поддаться ему Лещинскому и что сіи переговоры идутъ черезъ іезуита Заленскаго, котораго Гетманъ тайно держитъ въ замкѣ Бахмачахъ, отстоящемъ отъ Батурина въ двухъ миляхъ, котораго писарь его Орликъ привозитъ къ нему каждую ночь тайно. 2) Что когда ѣхалъ отъ Царскаго Величества въ Батуринъ Александръ Васильевичъ Кикинъ,—то Гетманъ, услышавши будто самъ Государь ѣдетъ, вслѣдъ за нимъ въ Батуринъ же, велѣлъ 300 сердюкамъ своимъ быть въ готовности и поставилъ ихъ около двора своего въ тайныхъ мѣстахъ съ такимъ приказомъ, что когда дастся имъ знакъ, чтобы стрѣлять вошедшихъ во дворъ его, нещадя никого, но какъ увидѣлъ Гетманъ, что пріѣхалъ къ нему только одинъ Кикинъ съ милостивымъ Царскимъ словомъ, то велѣлъ сердюкамъ тайно разойтится по домамъ. 3) Что онъ же Гетманъ, къ козакамъ За-

порожскимъ послалъ тайно нѣкоего Кіевскаго писаря, дабы внушить имъ, что будто Его Величество рѣшился жилища ихъ разорить и всѣхъ ихъ истребить и сіе дѣлаетъ онъ для того, чтобъ отвратить ихъ отъ Государя и привязать ихъ къ себѣ. 4) Что онъ же, нѣкогда сказалъ, что хорошо намъ имѣть съ поляками пріятство для того, что можетъ быть подъ ними намъ будетъ лучше; прочее же заключилъ Яковлевъ, самъ Кочубей, когда увидитъ Царскія очи, обстоятельнѣе о всемъ донесетъ. Царевичъ Яковлева и протопопа отправилъ съ извѣтомъ къ Его Величеству.

Между тѣмъ, коварный Мазепа, узнавъ о посылкѣ въ Москву перекреста, отправилъ къ Царю полковника Стародубскаго Ивана Скоропадскаго, жалуясь, что онъ получилъ изъ Полтавы подлинную вѣдомость, что житель тамошній „худородный,“ изъ жидовъ перекрестъ Петеръ Янценко, имѣючи тамъ домъ свой, жену и дѣтей, въ Ахтырскомъ полку промыслами по обыкновенію жидовскому арендами упражняющійся, не самъ собою, но отъ нѣкихъ регемента его людей наущенный, и до царствующаго града Москвы съ новоизобрѣтенными лжами и клеветами отправленный, подалъ тамъ какую то, всѣ лжи превосходящую небылицу, будто онъ Государю не вѣренъ, на тѣхъ лже-клевенниковъ—перекреста Петра Янценко и чернеца нѣкоего на Москвѣ пребывающихъ, правосудной проситъ управы.

Перекрестъ и доносъ его были посланы Государю, но и этому доносу Государь не повѣрилъ, признавъ доносъ только дѣйствіемъ непріятельскихъ подсылокъ, въ намѣреніи произвесть чрезъ то смятеніе въ Малороссійскомъ краю. Государь приказалъ привезть къ себѣ самихъ Кочубея и Искру, съ товарищами и изслѣдо-

вать обо всемъ съ точностью. Способъ, какимъ они должны быть привезены, указанъ въ собственноручномъ письмѣ Государя къ Мазепѣ, въ которомъ между прочимъ сказано: „ежели вы можете ихъ всѣхъ трехъ достать, не упуская времени немедленно поймавъ и сковавъ, къ намъ пришлите.“ Мазепа вѣдалъ уже, не только о посланномъ чрезъ Князя Голицына доносѣ Искры, но и о содержаніи его. Князь Голицынъ, равно какъ и всѣ, окружающіе Монарха Министры, ни въ чемъ не подозрѣвали Мазепу и были съ нимъ предупредительны и открывались ему о всемъ. Государь, получа въ Бѣшинковичахъ 5 Марта отъ Князя Голицына доносъ Искры и Кочубея, заключилъ, что доносители дѣйствуютъ по „факціямъ непріятельскимъ,“ извѣстилъ Мазепу о покушеніи Искры и Кочубея, просилъ измѣнника „не имѣть о томъ ни малѣйшей печали и сомненія;“ а дабы они, бросивъ, такъ сказать, головню, могущую воспламенить въ народѣ возмущеніе, не скрылись и не ушли къ непріятелю, нашелъ себя принужденнымъ употребить къ уловленію ихъ несвойственное ему мѣропріятіе. Онъ, того-же числа повелѣлъ Графу Головкину благодарить Осипова, равно какъ и Искру; за ихъ вѣрность и усердіе, и пригласить ихъ, черезъ посланнаго капитана Дублянскаго самихъ явиться, чрезъ Смоленскъ, въ войско къ Его Величеству для словесныхъ объясненій. Голицыну же Государь велѣлъ написать, чтобы по требованію Дублянскаго, далъ ему команду для надзиранія за доносителями подъ видомъ охраны ихъ. Все это велѣлъ хранить въ тайнѣ. Для большаго увѣренья Кочубея отпущенъ къ нему въ Полтаву, щедро одаренный, перекрестъ Янценко, съ офицеромъ гвардіи Дублян-

скимъ, будто бы для безопасности его Кочубея въ поѣздкѣ его. Графу Головкину, Государь повелѣлъ обнадеждить Кочубея милостію своею. Подобныя симъ обнадеживательныя письма Графа Голицына, еще отправлены 4 Апрѣля Кочубею и Осипову, напоминающія о поспѣшнѣйшей ѣздѣ ихъ. Поручивъ изслѣдовать дѣло Графу Головкину и тайному секретарю своему Шафирову, самъ Петръ того же 11-го отправился въ Петербургъ; къ Мазепѣ же приказалъ отправить съ присланными отъ него Полковникомъ Скоропадскимъ съ товарищемъ, публичную грамоту, что „вѣрную, усердную, всегда непоколебимую его долголѣтнюю службу, милостиво обнадеждиваетъ, что такимъ клеветникамъ, на него ложно навѣщующимъ, никакой вѣры не дается.“

Между тѣмъ Мазепа, съ своей стороны, думая заманить къ себѣ Кочубея и Искру, самыми ласковыми письмами просилъ ихъ пріѣхать къ нему, для порученія имъ будтобы важныхъ должностей, но они не дались въ обманъ. Мазепа послалъ за ними сильный отрядъ,—но Кочубей и Искра, бывшіе въ то время въ Диканькѣ, узнавъ о приближеніи посланныхъ для взятія ихъ, ушли сначала въ Коломакъ, гдѣ Искра, въ пасѣкѣ своей, сдѣлалъ родъ крѣпости, но не надѣясь въ ней удержаться, побѣжали они къ Самарѣ, но узнавъ, что посланный Мазепою отрядъ, раздѣлясь, зашелъ имъ впередъ, они, оставивъ тотъ путь, ушли въ м. Ахтырскаго полка Красный Кутъ, подъ защиту и покровительство полковника Осипова. Обнадежденные письмами Головкина,—въ м. Богодуховѣ съѣхались полковникъ Осиповъ, капитанъ Дублянскій, поручикъ Озеровъ, назначенные провожать Кочубея и Искру, и

всѣ вмѣстѣ, Кочубей, Искра, попъ Свѣтайло и сынъ его, сотникъ Кованько, перекрестъ Янценко, племянникъ Искры, два писаря Кочубеевы, Кольчицкій и Глуховецъ и 8 человѣкъ людей Кочубея и Искры, поѣхали на Бѣлгородъ къ Смоленску. Трудно казалось бы не замѣтить въ пути, что сопровождавшая ихъ съ офицерами команда, не для безопасности ихъ отъ Мазепы, не для почета, но для присмотра за ними назначена. Но Кочубей и Искра, сознавая свою правоту, не подозрѣвали съ какою цѣлью назначена сопровождавшая ихъ команда.

Головкинъ 6 Апрѣля извѣщаетъ Петра, что доносчики отдались въ руки правительству и спрашиваетъ какъ поступить съ ними. Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщаетъ что Мазепа пишетъ ему о неудачѣ посланныхъ имъ для взятія Кочубея и Искры и опасается, чтобы оставаясь свободными, вблизи Полтавы, не возмутили противъ него чрезъ сродниковъ своихъ, которыхъ много есть и значительныхъ людей и при немъ Гетманѣ въ Хвастовѣ и во всѣхъ полкахъ, проситъ о выдачѣ ихъ и присылкѣ въ Кіевъ для розыска. Узнавъ же онъ Головкинъ, отъ поручика Озерова и Дубляпскаго, что съѣхавшись въ Богодуховѣ ѣдутъ Кочубей и Искра съ ними черезъ Бѣлгородъ въ Смоленскъ, проситъ указа, гдѣ Царь повелитъ разыскивать и кому, въ Смоленскѣ или въ Кіевѣ. Петръ отвѣчаетъ, 14 Апрѣля, что лучше розыскивать въ Смоленскѣ.

Между тѣмъ Кочубей и Искра, чрезъ Смоленскъ прибыли 18 Апрѣля въ Витебскъ, гдѣ тогда находилась главная Государева квартира. Они остановлены были за городомъ, въ милѣ отъ Витебска, въ одномъ пустомъ господскомъ домѣ. На другой день, 19 Апрѣля,

Графъ Головкинъ и тайный совѣтникъ Шафировъ, прибыли къ нимъ и сперва разспрашивали Осипова.

Осиповъ, какъ передатчикъ того, что ему сообщалъ Искра, ни чего новаго не могъ сообщить по дѣлу. Потомъ былъ призванъ Кочубей и Искра, обнадеженные милостью Государевою, и потребовано отъ нихъ точнѣйшаго показанія о доносѣ. Кочубей началъ свое показаніе рѣчью, изготовленною имъ для Государя и произнесть ее безъ всякой перемѣны предъ Министрами:

Пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій Царю и Государю Премилостивѣйшій!

За Богохранимыя державы и преславнаго Царствія отца Вашего, Великаго Государя, блаженнія и святія памяти, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Алексѣя Михаиловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, была измѣна Гетмана Брюховецкаго, которому, для вѣрности и жена честной фамиліи изъ Москвы была дана и боярство приписано, въ которую измѣну въ многихъ Малороссійскихъ городахъ будучихъ воеводъ, съ ратными людьми побрано и совсѣмъ разорено и въ тѣсномъ заключеніи держано, а инчихъ остерегшихся штурмами добывано съ немалымъ кровопролитіемъ Полкомъ и толь великомъ смятеніи и кровопролитіи и по многихъ вредительныхъ мятежахъ когда знову Малороссійскій край подъ Высокодержавную Его Монаршую область подхиленъ зосталъ, тогда его Царское Пресвѣтлое Величество уличалъ и опально гонялъ Генеральныхъ особъ, Петра Забѣлу судію и прочихъ съ нимъ, за тое, что они, будучи всегда при Гетманѣ и могучи прислухатися о злоключенномъ его намѣреніи, завчасу о томъ Его Царскому Пресвѣтлому Величеству ни черезъ

кого не ознамили. Нынѣ убомы, подліи, познаваючи въ поступкахъ нашего Рейментора злое намѣренье, въ армованью противъ Вашего Царскаго Величества Малороссійскаго краю, бо самъ говорилъ до ушей нашихъ своими устами, что „подъ Ляхами конечно будемъ," чинимъ тое, подлугъ вѣрности нашей должности присяжной подданской, же дерзновенно о томъ объявляемъ, дабы было вѣдомо Вамъ, Великому Государю, прежде даже не пришло начатое зло въ шкодливое начинанье и смятенье Богохранимой Вашой, Царскаго Пресвѣтлаго Величества премилосердной милости, полагаючи наше упованье, что за сію истину и правду нашу, въ гибель головами нашими и въ разореніе жонъ, дѣтокъ и домишковъ нашихъ поданы не будемъ; ибо не ищемъ въ томъ доношеніи жадного пожитка, тилько величаючи В ше, Великаго Государя, преѣысоко достоинство, все сердечне желаемъ Богохранимой Вашего Царскаго Величества Державѣ, многочисленнымъ православно христіанскимъ народамъ, цѣлости и тишины и благочестивымъ Божіимъ церквамъ непоколебимаго благосостоянія.

Вашего Царскаго Величества вѣрныи рабы и подножіе

Василій Кочубей, Судія,
Иванъ Искра, Полковникъ.

Окончивъ рѣчь, Кочубей подалъ на письмѣ свой доносъ въ 33-хъ статьяхъ, озаглавивъ его: „До Пресвѣтлѣйшаго и Премилостивѣйшаго Великаго Государя, Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества, секретное, краинѣ вѣрнее, неложное, подножичье доношеніе.

Содержаніе доноса слѣдующее: ст. 1, Въ 1706 г. Гетманъ Мазепа говорилъ ему на единѣ, что обнаде-

жила его Кн. Дульская, мать Вишневѣцкихъ, доставить ему княжество Черниговское съ титуломъ Князя, а войску Малороссійскому всякіе вольности и выгоды, что Король Станиславъ, то уже ей обѣщалъ. Это было въ домѣ ея въ с. Бѣлой Крыницѣ, когда онъ съ нею воспринималъ отъ купели сына Кн. Януша Вишневѣцкаго.

2) Мазепа поносилъ Польскаго Гетмана Огинскаго за преданность его Царю.

3) Радовался получивъ извѣстье о вѣроломствѣ Короля Августа.

4) Въ 1707 г. когда Литовскіе люди съ Синицкимъ, вышедши изъ Быхова, перерѣзали Русскіе отряды, Мазепа немѣрною радостью веселился.

5) 11 Мая, по тому поводу на обѣдѣ много пилъ и насъ поилъ, пилъ за здоровье Кн. Дульской „его голубки.“

6) Когда съ Чуйкевичемъ просилъ, онъ Кочубей, позволенія привести дѣтей ихъ въ супружество, то намъ позволилъ.

7) Сказывалъ ему, что Король Шведскій, изъ Саксоніи пойдетъ чрезъ Польшу въ Москву, чтобы тамъ поставить другаго Царя.—А подъ Кіевъ подступитъ Король Лещинскій, а какъ онъ Гетманъ просилъ у Царя помощи, то онъ отвѣчалъ, что „довольно у васъ войскъ козацкихъ и Московскихъ находящихся въ Кіевѣ.“—„Такъ при наступленіи Станислава прійдется соединиться съ его войсками,“ покончилъ Гетманъ.

8) Когда онъ Кочубей помолвилъ дочь за пана Чуйкевича, то Гетманъ приказывалъ отсрочить свадьбу, говоря, когда будетъ за Поляками, тогда найдетъ дочери его лучшаго жениха изъ Польской шляхты.

9) Сербскій Епископъ Рувимъ, говорилъ ему, что Гетманъ сильно печалится, такъ какъ Царь наложилъ тяжкую подать лошадьми.

10) Дочь его Кочубея, выданная за Чуйкевича, когда крестила съ Гетманомъ дѣвку жидовку, то онъ говорилъ ей: „Ой Москва. Она въ когти свои прибираетъ сильно Малороссійскую Украину“.

11) Что сватъ его Чуйкевичъ изъ обоза отъ Кіева 20 Сентября получилъ отъ надежнаго канцеляриста цыдульку: „Въ Кіевѣ при Гетманѣ іезуитъ Зеленскій, ректоръ Винницкій, предъ многими говорилъ въ Печерской крѣпости, чтобы козаки не боялись Шведовъ, они не на нихъ готовятся, а на Москву.

12) Письма Зеленскому посылалъ объ извѣстьяхъ, полученныхъ Шереметьевымъ изъ Минска.

13) Въ Печерскомъ монастырѣ, запираясь съ Полковниками, читалъ Гадячскіе статьи.

14) Около 10 Октября 1707 г. Мазепа въ Батуринѣ былъ потревоженъ извѣстьемъ, что къ нему ѣдетъ Кикинъ, а за нимъ и самъ Царь, съ намѣреньемъ взять его Гетмана съ собою въ Москву. Тогда Мазепа собралъ 300 сердюковъ подъ начальствомъ Чечеля, намѣриваясь обороняться, обстрѣливаться отъ Государя.—Слыхалъ онъ о томъ отъ Полковника Апостола и канцеляриста Андрея.

15) Іезуита Зеленскаго, ѣхавшаго въ праздникъ рождества въ Батуринъ, Орликъ, встрѣтивъ, тайно провожалъ въ замокъ, что подъ Бахмачемъ, откуда онъ по ночамъ пріѣзжалъ въ загородній домъ къ Гетману. Слыхала это его жена отъ жены Орлика и канцеляриста Лисицы, которымъ говорилъ слуга Войнаровскаго.

16) Слышали отъ Гетмана, что если кто осмѣлится изъ его подчиненныхъ, противиться его предпріятью, тотъ замученъ будетъ до смерти.—Слыхалъ это Ломиковскій.

17) Что Мазепа издавна сносится съ басурманами.

18) Что есть въ Полтавѣ козакъ, Койдаченко, котораго онъ многократно посылалъ къ Султанамъ татарскимъ и къ самому Хану съ словесными наказами.

19) Также и другой Быевскій, посылаемъ былъ отъ него въ Крымъ и къ Бѣлгородскимъ татарамъ.

20) Іюня 10 дня 1706 г. Мазепа у него Кочубея въ домѣ, когда стали пить за его здоровье, вздохнувъ сказалъ: „Але що мнѣ за утѣха, коли я живу, никогда не маючи совершенной надѣѣ своеѣ цѣлости, всегда небезпеченъ, ждучи какъ волъ обуха.“

21) Онъ говорилъ Полковникамъ, что „многіе думаютъ, что зготовлю по себѣ Гетманомъ Войнаровскаго, но я того отнюдь не ищу и оставляю то вольному избранію, готовъ сложить съ себя Гетманство, ежели вы покажете кого достоинѣйшаго, который могъ бы доставить вамъ свободу, но если вы на меня то возлагаете, то должны во всемъ слушаться и во всемъ примѣру моему слѣдовать.“ — „На хана не должны надѣяться, а треба намъ согласиться съ Королемъ, заразъ приниматься за сабли.“

22) Что держитъ у себя слугъ породы Ляшской.

23) Не исполняетъ указъ, запрещающій пропускать людей на ту сторону Днѣпра, переселенцевъ не велѣлъ задерживать, а мать его Игуменья, людьми съ той стороны населяетъ великія слободы.

24) Мазепа запрещаетъ Малороссіанамъ жениться и звать въ гости Великороссіянъ.

25) Что не мало радѣетъ объ укрѣпленныхъ Малороссійскихъ городовъ, а напротивъ загородній свой домъ Гончаревку укрѣпилъ.

26) Города не оправлялъ, чтобы не могли обороняться.

27) Разными коварственными внушеніями Запорожцамъ, а особливо, что будто бы Государь хочетъ всѣхъ истребить, приводитъ ихъ въ ненависть къ Царю.

28) Что когда Запорожцы согласились съ Татарами впасть въ Слободскіе полки, то Мазепа при одной бесѣдѣ сказалъ: „Пусть бы они коли дѣлаютъ, дѣлали, а то по пусту оглашаютъ и какъ бы только дразнятся.“

29) Что у нихъ 40 куреней и имъ написать рѣчи секретной нельзя, то заразъ бы всѣ секреты увѣдали, для того имъ ничего потребнаго неможно объявлять.

30) Одна близкая къ Гетману особа сказала: „Татары скоро намъ понадобятся.“

31) Сентября того же года, Львовскій мѣщанинъ Русиновичъ, бывъ въ Батуринѣ, сказывалъ: 1) что онъ привезъ листы къ Гетману отъ Сенявскаго, Тарла, Потоцкаго и др. 2) что Сенявскій поручилъ ему развѣдать, что дѣлается въ Украинѣ, а паче о томъ, склонны ли къ Полякамъ казаки и что, по его же приказу, предлагалъ онъ Гетману, что если онъ и его подвластные хотятъ себѣ добро, тобъ были съ ними они въ согласьи, ибо мы навѣрное знаемъ, что Царь неустоитъ противъ Шведовъ и на это Мазепа отвѣтствовалъ съ клятвою, что онъ душею и сердцемъ приверженъ къ Полякамъ и пр.

32) Скарбъ войсковый арендовый безъ надзора находится. Это больше Гетманскій скарбъ, чѣмъ войсковой, какъ хочетъ Гетманъ такъ и употребляетъ его. Довольно-бъ Гетману 10-ть городовъ полка Гадячскаго, съ которыхъ собираетъ подати и пяти волостей причисленныхъ къ уряду Гетманскому. За полковничьи уряды Гетманъ беретъ взятки. По смерти Войсковаго Товарища Солонины подъ его гнѣвомъ и хотя остались внуки и племянники его, около 10 селъ его отдалъ матери своей Игуменьи Печерской. Тоже по смерти Обознаго Генеральнаго Борковскаго, хотя осталась жена и дѣти, немалое числомъ людей село отнялъ.

33) Наконецъ онъ представилъ пѣсню, Мазепою будто сочиненную, которую лѣтъ 10 тому назадъ подарилъ ему архимандритъ Никонъ, въ коей измѣнническія мысли его ясно изъявлялись. (*Смотри приложеніе*).

Противъ вышеписанныхъ поданыхъ статей, онъ Генеральный Судья Кочубей, спрашиванъ въ дополнику, и противъ того сказалъ:

На 1 п. Объ обѣщаніи, де Княгини Дульской о исходатайствованіи Гетману Княженія Черниговскаго и всей Украинѣ вольности у Короля Станислава, Гетманъ съ нимъ Кочубеемъ говорилъ на единѣ.

На 7-ой пунктъ пополнилъ, что говорилъ то ему Гетманъ секретно на единѣ.

На 8-ой сказалъ тоже.

На 10-ый сказалъ, что слышалъ онъ то отъ дочери своей.

На 11-ый Тотъ Езуитъ пріѣзживалъ къ Гетману многократно въ Замостье, въ Дубно и въ Кіевъ.

На 13-ый. Были, де, при читаніи той Коммиссіи Полковники Миргородскій, Прилуцкій и иные.

На 14-ый. О семъ, де, сказывалъ ему Полковникъ Миргородскій, что онъ слышалъ отъ самого Гетмана, о томъ же вооруженіи слышалъ канцеляристъ Андрей отъ людей ево, Гетманскихъ, сказывалъ ему онъ же канцеляристъ.

На 15-ый. О пріѣздѣ Ксіондза довѣдался онъ отъ жены Орлика, бывшей въ гостяхъ у нихъ, она сказывала, что мужъ ее посланъ отъ Гетмана тайно на встрѣчу нѣкоторой особѣ, отъ Нѣжина ѣдучей.

На 20-ый. Тѣ, де слова, говорилъ онъ ему и женѣ ево, Ломиковскій, де, то слышалъ. А былъ въ тоже время въ гостяхъ и Аннѣнковъ.

На 27-ой. Сіе, де, онъ слышалъ отъ Запорожцевъ.

На 28-ой. Сіе, де, говорилъ онъ будучи у него въ дому, на бесѣдѣ при всѣхъ.

На 30-ый. О семъ, де, говорилъ Орликъ Полковнику Полтавскому.

На 31-ый. Сказывалъ, де, ему о томъ о всемъ тотъ мѣщанинъ, будучи самъ въ Батуринѣ.

На 33-ій. Сію, де, пѣсню далъ ему Архимандритъ Никонъ, который преждѣ бывалъ на Москвѣ въ Донскомъ Монастырѣ; отдалъ, де ему ту пѣсню тому лѣтъ съ 10-ть, и сказалъ ему, что ту пѣсню скомпоновалъ онъ Гетманъ.

А больши того къ доношенію сказать онъ не упомнитъ; а буде что впредь обмыслясь напомнитъ, то объявитъ.

Полковникъ Искра того же 19 числа былъ допрашиваемъ и показалъ, что онъ съ согласія Кочубеева, попа Свѣтайла къ Ахтырскому Полковнику по-

сылалъ и самъ съ нимъ видѣлся, и все то о чемъ Осиповъ писалъ Кіевскому Губернатору Голицыну, написано съ его словъ, и при томъ сказалъ, что удалился онъ изъ Полтавы, потому что Полтавскій судья Иванъ Краснопѣричъ и обозный Дорошъ, сдѣлали ему предложеніе участвовать въ измѣнѣ Мазепы. Но какъ онъ отвѣчалъ на то, что отецъ его былъ вѣренъ Государю, то и онъ хочетъ ему быть всегда же вѣренъ, то они и отписали о семъ Мазепѣ, а сей умыслилъ, его и Кочубея поймать лестію, писалъ къ нему ласково, прызывая къ себѣ; черезъ четыре же дня увѣдомленный отъ Миргородскаго Полковника, что Гетманъ не могши заманить его лестію, посылаетъ за ними команду, онъ уѣхалъ изъ Полтавы, а между тѣмъ домъ его Искры, посланными Гетманскими былъ разоренъ. Касательно же до согласія Мазепина съ Лещинскимъ и Вишневѣцкимъ и до умышленія убить Государя во время его пріѣзда въ Батуринъ, слышалъ все то отъ одного только Кочубея; прочее же показаніе, его противъ Кочубеевыхъ почти было сходное, съ прибавленіемъ, что про невѣрность Мазепину знаетъ Полковникъ Чернышъ, который бы охотно поѣхалъ съ ними къ Государю, ежлибъ вѣдалъ про ихъ отъѣздъ.

Попъ Свѣтайло, перекрестъ Яковлевъ, писари Кольчинскій и Глуховецъ, допрошены 21-го числа, Попъ Свѣтайло показалъ, что знакомство у него съ Кочубеемъ началось еще при Гетманѣ Самойловичѣ, что Искра ему родственникъ, и что онъ обоимъ имъ отецъ духовный, что въ 1707 году, въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ, былъ онъ по приглашенію Кочубея въ деревнѣ его Ретикѣ, въ 4 миляхъ отъ Путивеля и по отслу-

женіи молебна о здоровьи болѣвшей дочери его, Кочубей и жена его, проливая слезы, говорили ему: „Мы плачемъ о измѣнѣ Гетмана, предающаго Украйну, отечество наше Полякамъ, а Церкви Божіи—Уніи, но какъ и черезъ кого донести не знаемъ и онъ, Свѣтайло, совѣтовалъ донести Его Величеству, черезъ духовника его протопопа Благовѣщенскаго, и что употребить на сію посылку, можно свояка его Петра Яковлева, который живетъ въ Полтавѣ, и Кочубей принявъ совѣтъ, просилъ его съѣздить въ Кіевъ къ полковнику Искрѣ и сказать ему, дабы онъ присматривалъ за поступками Гетмана и что будетъ дѣлаться въ войскѣ. Онъ попъ у Искры къ Кіевѣ былъ, однакожъ Искра сказалъ ему, что ничего еще за Гетманомъ и войскомъ не примѣтилъ. По возвращеніи его Свѣтайла въ Полтаву, когда онъ былъ на весельи (*свадьбѣ*) у Кочубея въ Диканькѣ, то Кочубей просилъ его привезти Петра Яковлева. Онъ привезъ его и, куда послалъ его Петра Кочубей, не знаетъ, такъ какъ онъ, Свѣтайло, уѣхалъ въ Полтаву. Искра же, воротясь отъ Кочубея, просилъ его поѣхать къ Осипову, и онъ съ Искрою ѣздилъ въ Ахтырку къ Полковнику Осипову, а оттуда возвратился въ Полтаву, жилъ до того времени, какъ присланные отъ Гетмана напали на домъ Кочубеевъ и Искринъ; увѣдомленный же Искрою, онъ поѣхалъ въ Красный-Кутъ и съ ними поѣхалъ въ Смоленскъ.

Петръ Яковлевъ, въ добавокъ къ описанной своей посылкѣ въ Москву, сказалъ: „что онъ ничего въ извѣтѣ своемъ не писалъ иного, какъ то только, что приказано было на словахъ отъ Кочубея, что отъ нихъ, ни отъ кого о измѣнѣ Гетманской не слыхалъ, а только

отъ пріѣзжавшаго изъ войска въ Полтаву въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, сына Герцика Григорія, слышалъ, что у нихъ въ войскѣ все добро, только всѣмъ намъ быть скоро за Ляхами". Да въ Декабрѣ мѣсяцѣ пріѣзжалъ отъ Г. Черныша къ Полтавскому протопопу Тимофею, человѣкъ его съ письмомъ, въ которомъ была приложена цидулька, а въ ней написано: „что станетъ посланный его ему объявлять, тому бы онъ вѣрилъ и куда надлежитъ о томъ донесъ; что Великаго Государя указу учинено было крайнее поруганіе, оплеваніе и осмѣяніе отъ Гетмана."

Писари Кольчицкій и Глуховецъ показали, что они жили у Кочубея въ услуженіи, и по приказу, съ нимъ поѣхавъ въ Смоленскъ, на дорогѣ переписывали съ его руки то, что имъ было дано, а то, что они переписывали, того отъ кого другого не слыхивали.

Изъ всѣхъ пунктовъ доноса Кочубея, самый важный пунктъ былъ о злоумышленіи на жизнь Государя, но и тутъ ничего не подтвердилось. На очныхъ ставкахъ Кочубея и Искры, вопросъ, кто кому о томъ говорилъ, не объяснился, оба отказывались. Такимъ образомъ, доносъ Кочубея оказался совершенно безъ юридическихъ уликъ. Разнорѣчія относительно уликъ были причиною того, что всѣ они были сочтены за шайку заговорщиковъ, дѣйствовавшихъ по злобѣ на Гетмана и по внушеніямъ непріятельскимъ и имѣвшимъ цѣлію, низверженіемъ Гетмана произвести въ народѣ возмущеніе, вслѣдствіе сего опредѣлено, по существовавшему тогда обыкновенію, извѣдать обо всемъ томъ черезъ *пытку*. Очень можетъ быть Шафировъ и Головкинъ не прочь были пустить въ дѣло *пристрастные допросы* и потому, что прихо-

дилось пытать тѣхъ, которые осмѣлились въ доносѣ помѣстить предостерегательныя слова „о нѣкоторыхъ ближнихъ Государевыхъ Секретаряхъ, обо всемъ Мазепу извѣщающихъ.“ Кочубей и его товарищи, по отобраніи писемъ и всего бывшаго при нихъ, взяты были подъ стражу и 21 Апрѣля начались пытки.

Приведенному къ пыткѣ Искрѣ сдѣланъ допросъ: по чьему наущенію онъ доноситъ на Гетмана: не по факціямъ ли и не по подсылкѣ ли о томъ отъ непріятеля на изверженіе Гетманское такое зло взвели. Устрашенный грозными приготовленіями къ пыткѣ Искра сложилъ всю вину на Кочубея, что подучилъ его Кочубей уже съ два года тому, а что за Гетманомъ никакой измѣны онъ Искра не знаетъ, самъ убѣждалъ Кочубея не затѣвать дѣла. Началась пытка и послѣ 10 ударовъ, Искра показалъ: что Кочубей совѣщался съ Миргородскимъ полковникомъ Апостоломъ и Судьею Чуйкевичемъ, чтобы по низверженіи Мазепы, Апостолу быть Гетманомъ, и что Кочубей читалъ ему цидульку отъ Чуйкевича, въ которой написано „что у нихъ за Днѣпромъ огонь загорается и сохрани Боже чтобы и у нихъ не загорѣлся.“ Дали еще 8 ударовъ: и Искра въ присутствіи Кочубея показалъ: что онъ все слышанное о злоумышленіи на Государя отъ Кочубея, сообщилъ Осипову и что Кочубей признавался ему въ ложномъ доносѣ, а за Гетманомъ, кромѣ вѣрности Царю, ни чего незнаетъ. Что по свойству и дружбѣ принялъ участіе въ доносѣ.

Кочубей, свидѣтель жестокихъ изтязаній Искры, видя кровь невиннаго,—слыша проклятья его,—не дожидаясь мукъ объявилъ: „я на Гетмана написалъ доносъ, затѣявъ ложь по злобѣ, надѣясь, что мнѣ повѣ-

„рятъ безъ дальняго розыска, и на всѣхъ особъ о кото„рыхъ писалъ въ доношеніи, писалъ ложно.“ Ему дано 5 ударовъ кнута, и спрашивали не по подсылкѣ ли непріятеля и по факціямъ его онъ затѣялъ это на Гетмана и кто былъ съ нимъ единомышленники? Кочубей отвѣчалъ, что онъ все затѣялъ по злобѣ своей и что никакихъ подсылокъ къ нему отъ непріятеля не было, и что Апостолъ и Чуйкевичъ, въ доносѣ не имѣли никакого участія.

Сотникъ Кованько бывъ распрашиванъ, съ пыткою два раза, показалъ: что съ Іезуитомъ Зеленскимъ въ домѣ Полтавскаго Полковника обѣдалъ и слышалъ отъ него про Короля Шведскаго такія слова: „что теперь онъ притаился, а какъ вдругъ выбухнетъ и тогда того огня не скоро затушить,“ а самъ онъ Кованько, ничего о невѣрности Гетмана не вѣдаетъ.

Свѣтайло, подъ пыткою о письмахъ у него найденныхъ, отвѣчалъ, что доношеніе къ Великому Государю писалъ онъ отъ Искры, по его прошенію, касательно же пересылки съ Ханомъ Крымскимъ и Запорожцами, также о посылкѣ отъ Гетмана въ турецкую землю, писалъ онъ по его же Искрину велѣнію, а самъ онъ попъ, того ничего за Гетманомъ не зналъ и не знаетъ. Такимъ образомъ, вынужденнымъ угрозами и пытками признаніемъ Кочубея и Искры въ ложномъ доносѣ, дѣло окончилось.

Головкинъ 24 Апрѣля, писалъ Петру: „Понеже Кочубей зѣло старъ и дряхлъ безмѣрно, того ради мы его пытать опасались, чтобы прежде времени не издохъ, а болѣе въ Гетманскомъ дѣлѣ розыскивать нечего, а для того въ Кіевъ ихъ не посылаемъ, потому, что во всемъ они винились, кромѣ факціи

отъ непріятеля, и ежели имъ казнь какую изволишь учинить, то надлежитъ послать ихъ въ Кіевъ и съ совѣту Гетманскаго о томъ Малороссійскому народу публично огласить.“ Но закончить розыскъ тогда же однако не рѣшились, все еще казалось, что Кочубей и Искра не сами затѣяли дѣло, безъ побужденія отъ непріятеля и велѣно отослать ихъ, не въ Кіевъ, а въ Смоленскъ и держать ихъ скованными.

Мазепа, видя Московскую медленность, крайнѣ неудобную для его измѣнническихъ замысловъ, сталъ надоѣдать Головкину письмами, *прилежно* прося прислать Кочубея съ товарищами въ войско, для обличенія ихъ воровства, такъ какъ въ народѣ отъ ихъ единомышленниковъ, а особенно посполства безумныя рѣчи оглашаются, будто Кочубея и Искру до Питербурга проводили и Кочубей въ великой милости, а на него Гетмана великій Царскій гнѣвъ, и нынѣ обознаго генеральнаго челядника, въ Кіевъ ѣдущаго въ м. Оленовцы за то только, что просилъ подводы, Старшина тамошняя била говоря: полно ужъ вамъ Гетманчики, панства, пріѣдетъ на вашу всѣхъ гибель Кочубей.

Головкинъ, 23 Мая увѣдомляя Царя, что Кочубей и Искра отосланы въ Смоленскъ, передаетъ просьбу Мазепы объ отправкѣ ихъ въ войско, но Петръ недовѣряя, чтобы Кочубей и Искра въ такое время затѣяли дѣло сами безъ побужденія отъ непріятелей, считаетъ дѣло еще не оконченнымъ и приказываетъ изъ Смоленска опять возвратить ихъ въ Витебскъ и снова допросить „небыло ли посылокъ отъ непріятелей.“ Снова пытали Кочубея и Искру, 30 Мая первому дали 3 удара, „сколько возможно было дать,“ доноситъ

Головкинъ Петру, „по его дряхлости," Искрѣ 6 ударовъ, „по его болѣзни." Оба стояли крѣпко на томъ, что небыло никакой подсылки, ни отъ Шведовъ, ни отъ Поляковъ, что все онъ, Кочубей, затѣялъ по своей злобѣ. Пытали по тѣмъ же вопросамъ и другихъ ихъ товарищей. Дали попу Свѣтайлу 20 ударовъ, Коваькѣ 14 ударовъ кнута.

Такимъ образомъ, когда всѣ обстоятельства дѣла объяснились, послѣдовалъ допросъ Кочубея о пожиткахъ, сколько онъ ихъ имѣетъ и гдѣ держитъ. Сперва Кочубей показалъ, что пожитковъ у него малое число, только полторы тысячи червонныхъ золотыхъ, да 2 тысячи ефимковъ въ шкатулкѣ, платья нѣсколько — и тѣ пожитки лежатъ въ домѣ его въ Батуринѣ и въ мѣстности его Диканькѣ, близъ Полтавы, а гдѣ и по сколько не упомнитъ, а вѣдаетъ то жена его, а лошадей у него тамъ есть 300, также быковъ и овецъ довольное число. Затѣмъ, опять показалъ: „есть въ одной скринитцѣ (сундукѣ) чи того бы осталось по моемъ проклятомъ отъѣздѣ 4 тыс. червонныхъ золотыхъ, тамъ же и лихтариковъ малыхъ серебныхъ два, съ тѣхъ червонныхъ наименовалъ былъ я 1500 сыну старшему, другому также, а дочкѣ малой 1000 червонныхъ. Въ другомъ мѣстцу 500 золотыхъ червонныхъ, талерей битыхъ 2 тыс. осталось на особомъ мѣстцу въ скрынцѣ. За селитру у пана Холодовича 6 тыс. золотыхъ чеховой монеты, у него же Холодовича 2 т. на долгу по облику.

Въ пана сотника Воронежскаго 3 тыс. на долгу по облику, въ пана Стерія 3 тыс. по облику, только за его порукою, взяты на веселіе сына моего, матери на 1000 руб. золотыхъ у певнаго Гречина, якую онъ

повиненъ былъ заплатить. Долгу у пана Якова Ромен-ского 1500 по облику. До рукъ пана отца одеслалемъ 3 тыс. на заплаценіе церковнымъ монастыря Полта-вы майстрамъ мурованнаго дѣла.

106 золотыхъ червонныхъ пану Искрѣ позычи-лемъ на тоюжъ церковь на цеглу, такожъ на ванну, на желѣзо и работниковъ всякихъ, може вышло до 10.000 тысячъ золотыхъ, чили меньше, чили больше, тое не расховано, а маетъ быть по больше 10,000.

А що расходныхъ было грошей на Коривчѣ, ос-талось 2 тыс. золотыхъ копеекъ, зъ тымъ 1500 взя-лемъ въ свою несчастную дорогу, также талеровъ битыхъ 150 и червонныхъ 36 Венецкихъ, тіи вси съ скрынкою остались въ Витебску, тамъ же и сироти-ныхъ 90 золотыхъ копейчайной монеты.

И селитру за гроши почитаю, которой въ Ди-канцѣ 25 куфъ осталось, якую на будованье церкви въ Полтавскомъ монастырѣ назначеновалемъ, да и гроши ти що у т. пана Холодовича на тую же церковь.

Тамъ же за ванну въ Деканцѣ певныхъ людей за 100 копъ и за волики наборъ людямъ по больше 100 золотыхъ зберется.

Въ Дубовичахъ за кони, за 100 золотыхъ и въ Быстрику столько же може соберется долгу. Серебра многу у меня небыло; по выдѣлу пану зятю осталось роструханцевъ за пугарцами 20; якое серебро оста-лось по моемъ отъѣздѣ, въ скрынцѣ зложено въ Диканцѣ.

Въ другой скрѣницѣ, — то коповочки, то кубочки, то ложки найдовались, а тихъ коповочекъ — чи шесть, не упомню.

Перлъ самой жонки моей три шнура Урліанскихъ. А що дочцѣ малой, перлъ крупныхъ простыхъ, цѣною

больше 1000 золотыхъ, а Урліянскихъ еще и не доплаченныхъ на 1000, золотыхъ перстневъ, згола незнаю, чи есть всякихъ опрочь діаментового одного.

Тое записую по правдѣ и по истинѣ; окаянный проступца и згубца дому и дѣтей своихъ.

В. Кочубей.

Затѣмъ, Кочубей еще сдѣлалъ дополненіе: окромѣ того далъ пану зятю 1000 талеровъ битыхъ и 500 червонныхъ золотыхъ, а серебра въ 40 гривенъ въ разныхъ охендозствахъ.

А съ судейскаго уряду, на якимъ былемъ 9 дѣтъ, не имѣлъ я приходу жадного, чили що коли накладу праваго, которымъ пополамъ съ писаремъ дѣлилемся, тое заразъ пускалемъ въ роздачу, затимъ и одного талера въ шкатулку не приспособилъ. А и первымъ двумъ дочкамъ, одну за Рабѣленка, а другую за покойнаго пана Обидовскаго выдаючи, не малую выложилемъ сумму, справуючи достатніи веселья и даючи имъ слушніи одежи, ношенія и охендожства и грошей по зможности, а что въ Витебску не такъ много грошей объявилемъ, то сталося за тымъ, же его милость панъ Секретарь хваткимъ часомъ поступовалъ, же я сказавши сыну большому лекгацію 1500 червоныхъ, меньшаго сына и дочку зпоменути неуспѣлемъ, а его милость до Искры ходити изволилъ и тамъ замѣшкалъ и сталъ заразъ вечеръ, а я по пытцѣ недавней вельми былъ боленъ, якъ и безъ того есмь на здоровьѣ слабый.

Искра о пожиткахъ показалъ, „что пожитку у него три тысячи золотыхъ украинскихъ и тѣ лежатъ въ дому его въ Полтавѣ, да въ маѣтностяхъ, де

его есть лошадей и воловъ и овецъ 600, а инчаго у него пожитку, кромѣ домашняго заводу, нѣтъ ничего.“

Между тѣмъ Мазепа, усиленно просилъ и Государя и Головкина о присылкѣ клеветниковъ въ Малороссію, „для окончанія надъ ними розыскнаго дѣла.“ Пишетъ Мазепа къ пріятелю своему Головкину, пишетъ и къ Шафирову, обѣщая, „что до кончины житья моего отслуживать и награждать не престану.“ Въ письмѣ къ Головкину выражаетъ горесть о томъ, что враги его, всенародные возмутители, легко были допрашиваемы.—Надлежало бы ихъ съ большею жестокостью изтязать.

Къ Шафирову,—что „изъ скитальца“ нищаго „подлаго отродія, сына мужицкаго Кочубея, сдѣлалъ „его Генеральнымъ Писаремъ, потомъ Судьею, обо„гатилъ селами, деньгами, честью и славою.—Изъ „горшешника сдѣлалъ Искру Полковникомъ,“ „а они „хотѣли у благодѣтеля своего похитить честь и славу.“ Просьбы и мольбы Мазепы были уважены.

Посланный 1 Мая приговоръ утвержденъ. Приказано Кочубея и Искру приводить къ Мазепѣ и казнить обоихъ смертью предъ всѣмъ Запорожскимъ войскомъ. Петръ 17 Іюня изъ Бѣлицъ, пишетъ Мазепѣ; „наши Министры по дѣлу Кочубея и Искры розыскивали накрѣпко и Кочубей и Искра принесли вину недожидаясь пытки и указалъ оныхъ воровъ и народныхъ возмутителей казнить и для той казни послать ихъ къ тебѣ.“

Изъ Витебска, 30 Апрѣля за крѣпкимъ карауломъ изъ двухъ капральствъ съ Капитаномъ Ловзинымъ, съ офицерами его роты, съ выдачею на содержаніе 10 р. на кормъ, преступниковъ отправили скованныхъ во-

дою въ судахъ въ Смоленскъ. Въ Порѣчьи принялъ ихъ Подполковникъ Брилкинъ, которому приказано, прибывъ въ Смоленскъ, — размѣстить ихъ порознь,— приставивъ къ Кочубею и Искрѣ по два офицера изъ Маіоровъ или Капитановъ и держать скованными подъ строгимъ карауломъ.

На кормъ ихъ выдано 50 руб. изъ денегъ Искры, бывшихъ у людей его.

Затѣмъ, изъ Смоленска 13-го Іюня Стольникъ Вельяминовъ—Зерновъ, съ ротою солдатъ съ Капитаномъ и офицерами на судахъ, Днѣпромъ отвезъ Кочубея и Искру,—оставивъ прочихъ въ Смоленскѣ, въ Кіевъ; куда прибывъ 29-го Іюня, помѣстилъ ихъ въ Кіевопечерскую крѣпость.—Здѣсь онъ засталъ письма отъ Головкина изъ Бѣлицъ и Орши съ грамотою Царя Мазепѣ и наказъ себѣ, вслѣдствіи котораго, въ тотъ же день Вельяминовъ увѣдомилъ Мазепу чрезъ посланнаго офицера о своемъ прибытіи съ узниками въ Кіевъ и просилъ о высылкѣ солдатъ для препровожденія Кочубея и Искры къ нему Гетману, въ его лагерь для казни ихъ.

Мазепа, 7-го Іюля, прислалъ въ Кіевъ Бунчуковаго товарища Максимовича съ Есауломъ и сотнею „кумпаній,“ да сотнею драгуновъ съ поручикомъ Олыловымъ.—Въ тотъ же день, Вельяминовъ съ присланнымъ Мазепою войскомъ, взявъ еще въ добавокъ солдатъ отъ Кіевскаго Воеводы, съ Кочубеемъ и Искрою отправился въ обозъ Гетмана, расположенный въ 8 миляхъ за Бѣлою Церковью, въ м. Борщаговкѣ куда и прибыли 11 го Іюля.

На другой день Вельяминовъ, въ собраніи Генеральной Старшины и войска, подалъ Гетману Царскую грамоту, прочтенную всенародно.

Между тѣмъ, Кочубея снова подвергли, при Стольникѣ Вельяминовѣ, Обозномъ Ломиковскомъ и Есаулѣ Гамалѣе допросу и пыткѣ объ имуществѣ, и онъ къ прежнимъ показаніямъ добавилъ объ остальныхъ пожиткахъ и вещахъ, бывшихъ у него въ домѣ и на долгахъ, а именно:

1,500 или мало меньши золотыхъ червонныхъ и 200 ефимковъ.

Обѣщалъ дѣтямъ роздать.

Да у негожъ умершей дочери ево золотыхъ червонныхъ 1,000.

Обѣщалъ при смерти на строеніе Батуринской трапезы.

Серебряной посуды:

20 или больши ростуханцевъ съ пугарцами.

Отдать зятю.

2 подсѣшника малыхъ.

Назначилъ отдать дѣтямъ.

Пуздерко съ серебреными четвертынки.

6 или 7 кружекъ и кубочковъ, да ложекъ нѣсколько, 100 руб. денегъ.

Назначилъ роздать дѣтямъ.

Низанья женины:

3 шнура перлъ Урліянскіхъ

Дочери меншой:

На 1,000 золотыхъ или больши перлъ крупныхъ простыхъ.

На 1000 или больши Урліянскіхъ, за которые еще недоплочено и денегъ.

Перстень алмазный, а болѣе есть ли, незнаетъ.

Да зятю далъ 1,000 ефимковъ, 1,500 червонныхъ, серебра съ 40 гривенъ въ разныхъ вещахъ.

У негожъ, Кочубея, въ Диканцѣ осталось:

25 куфъ или болѣе селитры.

Обѣщалъ отдать на строеніе церковное въ Полтавскій монастырь.

Въ долгахъ:

100 золотыхъ червонныхъ на Искрѣ.

Да Черкасскаго счоту злотыхъ которые считаются по 6, по 4 де злотой.

3,000 злотыхъ чехами на Сотникѣ Воронежскомъ.

2,000 злотыхъ чехами на Стеріи.

2,000 злотыхъ чехами на Яковѣ Роменскомъ.

2,000 злотыхъ на Холодовичѣ.

600 или больше злотыхъ въ Диканцѣ за вовну и волы.

Обѣщалъ на строеніе церковное въ Полтавскій монастырь.

200 злотыхъ въ Дубовичахъ и въ Быстрику.

И того въ долгахъ: 100 золотыхъ червонныхъ, да на 3,060 руб. злотыхъ Черкасскаго счоту.

Въ присутствіи Вельяминова, всѣхъ Старшинъ войска и множества народа, 14 Іюля, рано утромъ, совершена казнь надъ Кочубеемъ и Искрою,—имъ отрублено головы. Затѣмъ тѣла ихъ положены въ гробъ и отвезены въ Кіевъ, гдѣ похоронены во дворѣ Печерскаго Монастыря близъ трапезной церкви. Надгробная надпись, высѣченная на камнѣ близъ входныхъ дверей въ трапезу Кіевопечерской Лавры, указываетъ на мѣсто погребенія Кочубея и Искры.

Кто еси мимо грядый о насъ невѣдушій
Елицы здѣ естемо положено суши
Понеже намъ страсть и смертъ повелѣ молчати
Сей камень возопіетъ о насъ тивѣщати

И за правду и вѣрность къ Монарсѣ нашу.
Злуданіемъ Мазепы, все вѣчно правы
Посѣчены заставше топоромъ во гловы;
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матерѣ Владычнѣ
Подающія всѣмъ своимъ рабамъ животъ вѣчный.

Року 1708-го Іюля 15-го посѣчены средь обозу войскового за Бѣлой Церковью на Борщаговкѣ и Ковшевомъ, благородные Василій Кочубей, Судья Генеральный, Іоанъ Искра Полковникъ Полтавскій. Перевезены-же тѣла ихъ 17 Іюля въ Кіевъ и того же дни въ обители Святой Печерской на семъ мѣстѣ погребены.

Въ с. Жукахъ, имѣніи потомковъ Кочубея, въ Церкви Покрова Пресвятой Богородицы, до 1839 года хранилась рубашка, въ которой былъ казненъ Василій Кочубей.—Она шелковая, розоваго цвѣта, длинная съ широкими рукавами. Отъ времени потеряла свой первоначальный цвѣтъ, на ней замѣтны три большія кровавыя пятна. По ходатайству Князя Льва Викторовича Кочубей, Духовной Консисторіей ему дана она подъ росписку и нынѣ она хранится въ Диканькѣ у Князей Кочубеевъ.

Мазепа возблагодарилъ Петра грамотою отъ 15 Іюля: „благодарствую убо при лицеземномъ моемъ поклоніи до стопъ Вашего Царскаго Величества, совсѣмъ войскомъ Запорожскимъ, за святую справедливость,“ — пишетъ онъ, „что смирилъ клеветниковъ моихъ Кочубея и Искру, которые да страхъ имуть и прочіе воспріяша по дѣламъ своимъ смертную казнь.

Петръ глубоко убѣжденъ былъ въ вѣрности Мазепы, былъ убѣжденъ, что казня доносителей, оклеве-

тавшихъ вѣрнаго и испытаннаго слугу его, совершаетъ справедливое дѣло.

Что касается другихъ лицъ по дѣлу Кочубея и Искры привлеченныхъ, то по повелѣнію Петра, Полковникъ Ахтырскій Осиповъ за оказанную вѣрность, получилъ похвальную грамоту; Перекрестъ Петръ Яковлевъ освобожденъ съ тѣмъ, чтобы остатся на всегда въ Великой Россіи. Попъ Иванъ Свѣтайло и Монахъ Никаноръ заперты въ Соловецкій Монастыръ, съ повелѣніемъ никуда ихъ невыпускать и буде Свѣтайло пожелаетъ принять монашество, то постричъ его.—Сотникъ Кованько, два писаря Кочубея Кольчицкій и Глуховецъ и слуги Кочубея и Искры сосланы въ Архангельскъ съ тѣмъ, чтобы ихъ поверстать въ солдаты или къ чему годны будутъ, по усмотренію тамошняго Губернатора Кн. Петра Голицына. Въ 1712 г. Митрополитъ Стефанъ Яворскій изхлопоталъ имъ, Свѣтайлѣ и слугамъ Искры и Кочубея, возвращеніе изъ ссылки. Наказаніе Полковника Апостола и Канцеляриста Черныша, предоставлено Гетману,—Мазепа простилъ, ихъ, а Апостола совершенно оправдалъ предъ Царемъ (*) Еще до того, пока Искру и Кочубея привезли въ обозъ, онъ отобралъ отъ семействъ ихъ всѣ имѣнія, а женъ и дѣтей осудилъ на вѣчное тюремное заключеніе.

До прибытія еще Кочубея и Искры самыхъ въ Смоленскъ, вслѣдствіе *обнадеживающихъ милостью Го-*

(*) Помянутый—Полковникъ, писалъ Мазепа Головкину, Волошской породы, изъ отца своего въ войскѣ Запорожскомъ человѣкъ заслуженный, воинскій, знатный и отъ всѣхъ Полковниковъ древнѣйшій и старѣйшій,—Генер. Обоз. Ломиковскій и Ген. Судья Чуйкевичъ и Полков. Прилуцкій его сваты, Полк. Лубенскій дядя, Полков. Нѣжинскій его шуринъ и прочіе Полков. и знатные особы сопряжены съ нимъ близкимъ свойствомъ и любовью.

сударевою писемъ Головкина, Мазепа, пользуясь разрѣшеніемъ Царя, схватить ихъ, если возможно, отправилъ Гадячскаго Полковника Трощинскаго съ 500 казаковъ и сотнею Волоховъ и Охотнаго Полковника Кожуховскаго съ его конными полчанами въ Диканьку, имѣніе Кочубея, гдѣ онъ, устраняясь нездоровьемъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ проживалъ, дабы схватить ихъ и доставить къ Мазепѣ въ обозъ.

Но посланный Миргородскимъ Полковникомъ Апостоломъ, отцомъ невѣстки Кочубеевой,—жены его сына, съ запискою къ Кочубею, перегналъ ихъ, заночевавшихъ съ четверга на пятницу въ Великихъ Будищахъ, верстахъ въ 30 отъ Диканьки и вручилъ записку Кочубею, который немедленно отправилъ слугу своего Заводовскаго въ Полтаву за Искрою. Искра, предъ разсвѣтомъ, пріѣхалъ въ Диканьку и оба они бѣжали, переправясь черезъ Ворсклу, сперва въ с. Гавронцы, и за тѣмъ въ Красный Кутъ, городокъ Ахтырскаго полка, къ Полковнику Осипову. Едва успѣли они изъ Диканьки выѣхать, какъ Трощинскій и Кожуховскій нагрянули въ панскій домъ; не нашедши Кочубея и обыскавъ весь домъ, они возвратились въ Великіе Будища, откуда послали погоню за ними, но извѣстясь, что бѣглецы въ Красномъ Кутѣ, опять поѣхали въ Диканьку и утромъ, въ понедѣльникъ, остановились въ Ковалевкѣ, тоже имѣніи Кочубея, въ новомъ дворѣ его, откуда послали Волоховъ звать къ себѣ Кочубеиху. Это было 22 Марта, въ день свят. мученика Василія; Кочубеиха съ невѣсткою была у обѣдни, по случаю, вѣроятно дня ангела мужа или сына. Не нашедши ее дома, Волохи съ Ротмистромъ Константіемъ Великимъ окружили

церковъ, Великій съ 4 Волохами вошелъ въ церковь и объявилъ Кочубеихѣ, что ее зоветъ Трощинскій; Кочубеиха отвѣчала: „не пойду изъ церкви, нехай постражду межъ олтаремъ якъ Захарія“. Едва убѣдили ее выйти изъ церкви; („черезъ силу рѣчей мусила зъ церкви выйти.“) Волохи подхватили ее и невѣстку, посадили въ коляску и повезли въ Коваленку. Цѣлый часъ на собственномъ дворѣ, ждали они пока доложатъ Трощинскому. Наконецъ вышедъ изъ терпѣнія, Кочубеиха встала изъ коляски и пошла, протѣснясь между козацкими лошадьми, къ дому; тутъ Трощинскій, сильно пьяный, вышелъ на крыльцо безъ пояса, въ желтыхъ туфляхъ и бѣломъ кафтанѣ, Кочубеиха съ видомъ достоинства выступивъ впередъ произнесла: „За тое то Мазепа прислалъ васъ по моего пана съ такимъ войскомъ що зичливе и вѣрне войску Запорожскому писарьствомъ и судействомъ служилъ“? Трощинскій ничего ей не отвѣчая, пришелъ въ ярость и крикнулъ на Волоховъ „стрѣлять;“ къ счастью, Полковникъ Кожуховскій удержалъ волоховъ, готовившихся исполнить приказъ Трощинскаго. Кочубеиху отправили въ Диканьку съ козаками. Вокругъ двора поставили стражу и даже въ комнатахъ, гдѣ она ночевала; невѣстку ея отпустили къ отцу въ Сорочинцы и дозволили забрать свое приданное. Затѣмъ, 24 Марта Трощинскій съ посланцемъ Мазепы Валмусомъ, прибылъ въ Диканьку, собрали все имущество въ домѣ, всѣ „скрыни,“ съ добромъ, упаковали въ „полубахъ“ (воловьи повозки) и саму Кочубеиху, съ дѣтьми Ѳедоромъ и Парасковіею, съ Искриной и одною служанкой, посадивъ въ карету подъ карауломъ, повезли въ

Батуринъ. Имущество привезенное съ нею помѣстили въ Гетманскомъ дворцѣ на Гончаровкѣ, а Кочубеиху помѣстили на „подворкѣ“ Батуринскомъ, въ собственномъ домѣ. Черезъ недѣлю ее перевели въ ихъ-же Кочубеевскій дворъ старый, въ серединѣ города и помѣстили въ одной хатѣ. Во дворѣ поставлено было два караула, жолдатскій и московскій; запрещалось посѣтить узницу, приходить въ дворъ, и даже приближаться къ огорожѣ двора.

Съ Марта 1708 г. содержались подъ строгимъ карауломъ семьи Кочубея и Искры, только незадолго до взятія Меньшиковымъ и разоренія Батурина, освободились онѣ слѣдующимъ образомъ: Въ Батуринъ выѣхала возомъ, крытымъ будкою, дѣвичьяго Новомлынскаго Монастыря черничка (монахиня) и преувѣдомленная Кочубеева и Искра, вышли переодѣтыми, вмѣстѣ съ меньшимъ сыномъ Кочубеевой Ѳедоромъ, сѣли въ возокъ подъ видомъ черницъ и выѣхали изъ города, а дочь Кочубеева Парасковья съ прислугою, переодѣвшись крестьянкою, вышедши за городъ пѣшкомъ, соединились съ ними. Несомнѣнно, что бѣгство ихъ изъ Батурина было улажено кѣмъ либо изъ родныхъ.

Отсюда уѣхали они на Митченки, на Куреню, Ичню, Прилуки, Журавку, Свѣтличную, Черняховъ, Крутой Берегъ, чрезъ рѣку Сулу въ Снѣтинь и въ с. Шишакъ на рѣкѣ Хоролѣ въ 8 верстахъ отъ г. Хорола, мѣстность Пана Петра Кулябки, женатаго на дочери Апостола. Отсюда уѣхали въ Сорочинцы, гдѣ застали старшаго сына Кочубея — Василія съ женою, и другихъ, съѣхавшихся родственниковъ. Здѣсь родился у Кочубея сынъ Павелъ. Пробывъ нѣсколько

дней въ родственномъ кругу, они разѣхались, Василій Кочубей съ женою, тещею и сестрою, вдовою Анною Обидовскою и Ломиковскимъ, отправились въ Крыловъ. Кочубеева же съ сестрою своею Искриной, съ Захаржевскимъ, другомъ дома Кочубеевъ, поѣхали въ Слободскую Украину на Опошню, Рублевку, до Коломакъ и оттуда, Захаржевскій уѣхалъ до Водолагъ, а Кочубеева и Искрина въ хуторъ Ровневской на р. Коломакѣ, принадлежавшемъ Искрѣ. Здѣсь засталъ ихъ пріѣхавшій туда родственникъ Иванъ Журенко, который привезъ письмо Меньшикова сыну Кочубея, слѣдующаго содержанія: „Господинъ Кочубей! кой часъ сіе письмо получишь, той часъ поѣзжай до Царскаго Величества въ Глуховъ и возьми матку свою и жену Искры и дѣтей, по нѣже великая Милость Государева на васъ обращается,!“ Такъ, какъ Василій Кочубей уѣхалъ въ Крыловъ, то мать немедленно послала звать его, а сама, въ ожиданіи отправилась на Свинковку до х. Кованьковскаго, гдѣ жила Кованькина, а оттуда на Семеновку въ Жуки, въ 10 верстахъ отъ Полтавы, къ старому отцу своему и Искриной, Войсковому Товарищу Жученку. Сюда, черезъ нѣсколько дней, 14 Ноября пріѣхалъ поздно вечеромъ Яковъ Рогуля и передалъ имъ, что Левенецъ, Полковникъ Полтавскій, дѣлаетъ „похвалку“ схватить ихъ Кочубееву и Искрину и отослать къ Мазепѣ. Вѣроятность этихъ похвалокъ Левенца, врага Кочубеевъ, и намѣреніе его схватить Кочубееву и Искрину и отослать къ Мазепѣ, подтверждается подозрѣніемъ Левенца, если не въ измѣнѣ прямо, то въ колебаніи къ какой сторонѣ пристать. Ахтырскій Полковникъ Осиповъ, въ письмѣ къ Головкину набрасываетъ сильную тѣнь

подозрѣнія на Левенца; онъ увѣдомляетъ, что Левенецъ не повинуется Царской волѣ, не ѣдетъ въ Глуховъ; приказываетъ въ церквяхъ молиться за Шведскаго Короля; собравъ Старшинъ, совѣтовался ѣхать или нѣтъ въ Глуховъ, сказался больнымъ, воспретилъ и Старшинѣ ѣхать, говоря „кто къ намъ будетъ скорѣе, того мѣтимо за пана," что въ Полтавѣ находятся Мазепины и Орликовы пріятели, „Чуйкевичовъ рожоный братъ Полковой писарь, всему голова." Не мудрено, что окруженные приверженцами Мазепиными, испуганныя Кочубеева и Искрина, той-же ночи выѣхали изъ Жуковъ и при переправѣ чрезъ Ворсклу въ Петровкѣ, гдѣ пьяными мужиками задержаны были на греблѣ, только избавились гибели, благодаря тому, что атаманъ Петровскій Грига, узнавъ Искрину и усмиривъ буйныхъ мужиковъ, далъ проводниковъ имъ до Коломака, откуда они уѣхали до Харькова къ Бригадиру Ѳедору Владиміровичу Шидловскому, а чрезъ двѣ недѣли отправились въ Лебединъ, гдѣ въ то время пребывалъ Государь. Въ письмахъ обѣихъ сестеръ Митрополиту Іоасафу Кроковскому, описаны эти ихъ приключенія. (См. приложенія). Не сохранилось ни какихъ свѣдѣній о свиданіи Царя съ вдовами осужденныхъ имъ на смерть невинныхъ жертвъ Мазепиной злобы. Извѣстно только, что отсюда Кочубеева и Искра уѣхали въ Тростянецъ, гдѣ провели Рождественскіе праздники, а 1 Января 1709 г. отправились къ Ивану Захаржевскому въ Водолаги, гдѣ жила полковница Апостолъ съ дѣтьми.

Когда же Шведы подступили къ Коломаку, Искрина и Кочубеева бѣжали на Бѣлгородъ и Сумы въ Ярославецъ, гдѣ и остались на житьи, а Апостолъ

съ Захаржевскимъ, остались въ своемъ имѣніи Авдѣевкѣ.

Великая милость Государева обращающаяся, по словамъ письма Меньшикова, на семьи Кочубея и Искры, состояли въ томъ, что по повелѣнію Царя, Гетманъ Скоропадскій 15 Декабря 1708 г. далъ универсалъ, коимъ вдовѣ Кочубея Любовь Федоровнѣ, урожденной Жученко съ дѣтьми и ея сестрѣ Искриной бездѣтной, возвращены всѣ имѣнья покойныхъ мужей, съ нѣкоторою прибавкою, Кочубеевой: с. Диканька, слободка Нижніе Млины, въ полку Нѣжинскомъ села: Ярославецъ, Дубовичи, слобод. Ретикъ; съ другой стороны надъ Днѣпромъ села: Оловенка, Змѣтіево, Тиницы, Рудяково, за Днѣпромъ на правой сторонѣ, въ Стародубскомъ полку, хут. при с. Стайкахъ, слободка Улица и въ Полтавскомъ полку с. Стасовцы, въ Нѣжинскомъ—село Кунашевка, въ сотнѣ Борзенской, принадлежавшія преждѣ измѣннику Герцику, Парасковій - Искриной села: Ивашки, Звончинцы, Демидовка, Трибовскій дворецъ и хуторъ съ мельницами, Грабиновка и Равничи на Коломачкѣ съ лѣсными дачами и пасѣками.

Грусненый финалъ дѣла Кочубея и Искры, современикамъ, кромѣ близкихъ и родныхъ, не казался потрясающимъ событіемъ. Въ то, суровыхъ, жесткихъ нравовъ время, самое жестокое обращеніе, всевозможныя пытки, при допросахъ кнуты, встряски и проч., были дѣломъ обыденнымъ, чуть не ежедневнымъ, простолюдинъ—подлый человѣкъ, и вельможа, подвергались общей равной участи.

Дубинка Петра не разъ безцеремонно гуляла по спинамъ самыхъ высшихъ Государственныхъ санов-

никовъ. Петру, озабоченному войною, недосугъ было занятся самому разборомъ Кочубеевскаго дѣла, дѣла по „извѣту“ нѣсколькихъ, „хохловъ,“ уже и такъ изнѣвѣрившихся постоянными доносами на Гетмана, всегда оказывавшимися ложными. Вся обстановка этого дѣла представляется далеко не привлекательною, но если безпристрасно взглянуть на всю картину современныхъ событій, едва-ли справедливо было бы обвинять Петра въ чрезмѣрной суровости къ бѣднымъ страдальцамъ, искупившимъ, необдуманный доносъ свой, смертью. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, Петру пришлось имѣть дѣло съ несомнѣно умнымъ, талантливымъ и тонкимъ дипломатомъ—Мазепой, который казался весьма надѣжнымъ предводителемъ козачества, и вѣрнымъ исполнителемъ предначертаній правительства, человѣкомъ въ вѣрности котораго никто до послѣдней минуты несомнѣвался, который казалось самъ скорбѣлъ, что существуютъ люди могущіе уличать его въ измѣнѣ; съ другой стороны съ Кочубеемъ и Искрою, людьми, правда, знатными богатыми, пользующимися извѣстнымъ вліяніемъ среди козачества, лицами если не заурядными, то далеко не одаренными ни талантами, ни умомъ Мазепы, представшихъ съ извѣтомъ о замыслахъ Мазепы, построенномъ на слухахъ, инстиктивно предугадовавшихъ его измѣну, съ извѣтомъ, отъ котораго сами и отказались, сознавшись на допросѣ въ лжесказаніи его Петру выборъ былъ не труденъ.

Правда, кто знакомъ съ судопроизводствомъ той эпохи, тотъ пойметъ, что Мазепа и его клевреты, путемъ пытки, могли отъ заранѣе обреченныхъ жертвъ, добиться какого пожелали сознанія. Не мудрено, что

Петръ, подъ вліяніемъ и личного расположенія къ Мазепѣ въ виду оказавшихся и доложенныхъ ему данныхъ, отнесся строго къ доносителямъ.

Приложеніе 1-е.

Письма Гетмана Мазепы къ Кочубеевой дочери, Матренѣ:

1.

«Мое серденко, мой квите рожаной,[1]) Сердечне на тое болѣю, що на далеко отъ мене ѣдешъ, а я не могу очиць твоихъ и личка бѣленкаго видѣти; черезъ сее писмечко кланяюся и всѣ члонки[2]) цѣлую любезно.

2.

Мое серденко!

Зажурилемся, почувши отъ дѣвки такое слово, же В. М. зазле на мене маешъ, и же В. М. при себѣ не задержалемъ, але одослалъ до дому. Уважъ сама, щобъ стого выросло Першая: щобъ твои родичи по всѣмъ свѣтѣ разголосили, же взявъ у насъ дочку у ночѣ кгвалтомъ и держетъ у себѣ мѣсто подложницы. Другая причина же, державши В. М. у себе, я бы не моглъ жадною мѣрою вытримати,[3]) да и В. М. такъ же: мусѣлебисмо[4]) изъ собою жити такъ, якъ малженство кажетъ, а потомъ пришлобы не благословеніе од церкви и клятва жебы намъ съ собою не жити. Гдѣжъ бы я на тотъ часъ подѣлъ. И мнѣбъ же чрезъ тое В. М. жаль, щобъ есь на потомъ на мене не плакала.

---

1) Мой розовый цвѣтокъ.
2) Члены.
3) Никакимъ способомъ удержаться.
4) Принуждены бы были мы.

3.

Мое сердечне коханье! [5]).

Прошу и вельце прошу, рачь со мною обачитися для устной размови. Коли мене любишь не забувай же; коли не любышъ не споминай-же! Спомни свои слова, же любить обѣцала, на щожъ минѣ и рученку бѣлацкую дала. И повторе и постократне прошу, назначи хочь на одну минуту, коли маемо з собою видѣтся для общаго добра нашего, на которое самажъ преже сего соизволила есь была; а нѣмъ тое будетъ пришли намисто [6]) з шіи своей, прошу.

4.

Мое сердечко!

Уже ти мене изсушила краснымъ своимъ личкомъ и своими обѣтницами. Посилаю теперь до вашей милости Мелащку, щобъ о всемъ розмовилася з В. М. Не стережися ей ни въ чемъ, бо ѣсть вѣрная В. М и минѣ во всемъ. Прошу и вельце, за нужки В. М. мое серденко, облапивши, прошу не откладай своей обѣтницы!

5.

Мое серце коханое!

Сама знаешь, якъ я сердечне шалене [7]) люблю В. М.; еще никого на свѣтѣ не любывъ такъ. Моебъ тое шастье и радость, щобъ нехай ѣхала, да жила у мене; тилко я жъ уважывъ, якій конецъ можетъ съ того бути, а звлаща [8]) при такой злости и заѣдлости твоихъ родичовъ. Прошу, моя любенко, не одмѣняйся ни въ чомъ, яко южъ не поеднократъ слово свое и рученку дала есь, а я взаемне поки живъ буду, тебе не забуду!

---

5) Моя сердечная любовь.
6) Кораля что носятъ на шеѣ.
7) Безумно.
8) Особенно.

6.

Мое серденко!

Не маючи вѣдомости о повоженью [9]) В. М. чи вже перестали В. М. мучити и катовати, теперь теде одъѣзжаючи на тыждень [10]) на певніе [11]) мѣстца, посылаю В. М. одъѣздного [12]) черезъ Карла, которое прошу з вдячне [13]) приняти, а мене въ неотмѣнной любвѣ своей ховати.

7.

Мое серденко!

Тяжко болѣю на тое, що самъ не могу з В. М. обширне поговорити, що за отраду В. М. въ теперешнемъ франсунку [14]) учинити. Чого В. М. по мнѣ потребуешь, скажи все сій дѣвцѣ. В остатку, коли они, проклятіи твои, тебѣ цураются, [15]) иди въ монастиръ, а я знатиму що на той часъ з В. М. учинити. Чого потреба и повторе пишу, ознайми мнѣ В. М.!

8.

Моя сердечне коханая!

Тяжко зафрасовалемся [16]) почувши, же тая катувка не перестаетъ В. М. мучити яко и вчора тое учинила. Я самъ незнаю, що з нею, гадиною, чинити. То моя бѣда, що з В. М. слушнаго [17]) не мамъ часу о всемъ переговорити. Болшъ отъ жалю немогу писати, тилько тое якожъ кольвекъ станется, я поки живъ буду, тебѣ сердечно любыти и зичиты [18]) всего добра не перестану и повторе пишу, не перестану, на злость твоимъ и моимъ ворогамъ.

---

9) О состояніи.
10) Недѣлю.
11) Въ нѣкоторыя.
12) Подарокъ по случаю отъѣзда.
13) За благо.
14) Печали.
15) Отрекаются.
16) Опечалился.
17) Удобнаго.
18) Желать.

9.

Моя сердечне коханая!

Вижу, же ваша милость во всемъ одмѣнилася своею любовію прежнію ку мнѣ. Якъ собѣ знаешь; воля твоя, чини що хочешь! Будешь на потумъ того жалувати. Припомни тилько слова свои, подъ клятвою мнѣ даніе на тотъ часъ, коли выходила есь з покою мурованного [19]) одъ мене, коли далемъ тебѣ перстень діаментовій, над который найлѣпшаго, наидорогшаго у себе не маю, же «хочь сякъ, хочь такъ будетъ, а любовь межи нами не отмѣнится.»

10.

Мое серденко!

Бодай Богъ того з душою разлучивъ, хто насъ розлучаетъ! Знавъ бы я, якъ надъ ворогами помститися, тилько ти минѣ руки звязала. И з великою сердечною тескницею жду отъ В. М. вѣдомости, а в якомъ дѣлѣ, сама добре знаешъ; прошу тебе вельце [20]) учинить мнѣ скорій отвѣтъ на сее мое писанье, мое серденько!

11.

Моя сердечне коханая, наймилшая, найлюбезнѣйшая Мотроненько!

Впередъ смерти на себе сподивалеся [21]) нѣжъ такой въ сердцу вашомъ одмѣни. Спомни тилько на свои слова, спомника на свою присягу, спомни на свои рученки, которіе минѣ непоединокротъ [22]) давала, же мене, хочь будешъ за мною; хочь не будешъ, до смерти любити обѣцала. Спомни на остатокъ любезную нашу бесѣду, коли есь бувала у мене на покою: „Нехай [23]) Богъ несправедливаго караетъ, а я хочь любышъ,

19) Каменнаго.
20) А потому очень прошу.
21) Ожидалъ.
22) Не одинъ разъ.
23) Пускай, пусть.

хочь не любышъ мене, до „смерти тебе, подлугъ[24]) слова своего“, любити и сердечне кохати не перестану на злость моимъ ворогамъ.“ Прошу, вельце, мое серденко, якимъ колвекъ[25]) способомъ обачаться[26]) зо мною, що маю съ В. М далей чинити; бо южъ большъ не буду своимъ ворогамъ терпѣти, конечне отомщеніе учиню, а якое сама обачишъ[27]). Щастлившіи мои письма, что въ рученкахъ твоихъ буваютъ, нежели мои бѣдніе очи, що тебе неоглядаютъ.

12.

Моя сердечно коханная Мотренько!

Поклонъ мой отдаю В. М. Мое серденько, а при поклонѣ посылаю вашей милости гостинца, книжечку и обручикъ диаментовій, прошу тое завдячне приняти, а мене въ любьвѣ своей неотмѣнно ховати, нѣмъ[28]) даетъ Богъ зъ лѣпшимъ привитаю[29]). За тѣмъ цѣлую уста коралевіи, ручки бѣленкіе и всѣ члонки[30]) тельца твоего бѣленкаго, моя любенко коханая!

Письма эти хранятся въ спискахъ въ Коллѣжскомъ архивѣ. Подлинники возвращены Мазепѣ Гр. Головкинымъ при слѣдующемъ письмѣ: „Разбирая всятыя у Кочубея письма нашли мы, между прочимъ, нѣкоторыя письма и цидулы Вашаго ль Сіятельства рукою или чіею либо другою, цысанныя къ дочери его Кочубея, которые подлинные, не переписывая и никому онныхъ ни показывая и В. Сіят. за печатью при семъ присылаю.„

24) По—въ силу.
25) Какимъ ни есть.
26) Повидайся.
27) Увидишь.
28) Пока.
29) Поздравлю, лучшее поднесу.
30) Члены.

Приложеніе 2.

Дума пана Гетмана Мазепы, въ которой значное противъ Державы Великаго Государя оказуется противленіе.

Всѣ покою щире прагнуть,
А не въ еденъ гужъ тягнуть,
Той на право, той на лѣво,
А все братя, тото диво!
Не машъ любви, не машъ згоды
Отъ Жовтои взявши Воды;
Презъ невзгоду всѣ пропали,
Сами себе звоевали.
Ей, братища, пора знати
Що не всѣмъ намъ пановати,
Не всѣмъ дано всее знати,
И рѣчами керовати!
На корабель поглядимо,
Много людей полѣчимо:
Однакъ стирникъ самъ керуетъ,
Весь корабель управуетъ;
Пчулка бѣдна матку маетъ,
И оное послухаетъ.
Жалься, Боже, Украины,
Що не вкупѣ маетъ сыны!
Еденъ живетъ исъ поганы,
Кличетъ: Сюда Атаманы!
Идѣмъ матки ратовати,
Не даимо ей погибати!»
Другій Ляхамъ за грошъ служить,
По Вкраинѣ и той тужить:
«Мати моя старенькая!
Чомъ ты вельми слабенькая?

Розно тебе розшарпали,
Кгды ажъ по Днѣпръ Туркамъ дали,
Все то фортель щобъ слабѣла,
И ажъ въ конецъ силъ не мѣла!»
Третій Москвѣ южъ голдуеть,
И ей вѣрнѣ услугуеть:
Той на матку нарѣкаеть,
И недолю проклинаеть:
«Лѣпше було не родити,
Нежли въ такихъ бѣдахъ жити!
Отъ всѣхъ сторонъ ворогуютъ,
Огнемъ, мечемъ руинуютъ,
Отъ всѣхъ немашъ зычливости,
А ни слушной учтивости:
Мужиками называютъ,
А подданствомъ дорѣкаютъ.
Чомъ ты братовъ не учила,
Чомъ отъ собе ихъ пустыла?
Лебше було пробувати,
Вкупѣ лихо отбувати!
Я самъ бѣдный не здолаю,
Хиба тилко заволаю:
Ей Панове Енералы,
Чомужъ есте такъ оспали?
И вы панство Полковники,
Безъ жадной полѣтики,
Озмѣтеся вси за руки,
Не допустѣть горкой муки
Матцѣ своей болшъ терпѣти!
Нуте враговъ, нуте быти!
Самопалы набувайте,
Острыхъ шабель добувайте,

А за вѣру хочь умрѣте,
И вольностей боронѣте!
Нехай вѣчна будетъ слава,
Же презъ шабли маемъ права!»

Сію пѣсню читаючи и уважаючи, одинъ всечестный и розумный Архимандритъ, далъ мнѣ оную и радилъ въ спряту добромъ держати.

Приложеніе 3.

Отрывокъ изъ пѣсни объ измѣнѣ Мазепы неизвѣстнаго автора современника.

Ахъ злый необачный Гетманъ Ляхъ, врагъ значный.
Хтѣлъ дать Украину Ляху злому сыну.
Кочубей на оный совѣтъ, злыхъ зрадъ полный.
Же не соизволилъ, смерть му за нь зготовилъ
Пане Кочубею, тысь былъ судіею,
Предь Судіею съ Бога сталъ, гдѣ ти мзда многа.
Квитнучая роже, жался тоби Боже,
Увяднула съ нынѣ въ Кіевѣ невиннѣ.
Вкупѣ также Искра, забитъ есть отъ мистра.
Православный Царю, бодрый Господарю,
Не медли отдати, подѣломъ воздати,
Бы злосердце Ляха, наполнилось страха,
Бы не могъ стужати, большъ южъ воевати
На славное Царство, Твое Государство!

Приложеніе 4.

Записка Кочубея на Орлика.

1708 г. Фев.

Сіи статейки ниже положеніе справилися для того, же Панъ Орликъ фундуючися на повазѣ [1]) и на заслугахъ въ войскѣ Запорожскомъ небощика [2])

1) Фундуючи на повазъ—основываясь на значеніи
2) Небощика—покойника

тестя своего, Пана Павла Герцыка, легце насъ важитъ [1]) во всемъ понижаетъ, безчеститъ и допчетъ.

Герцыкъ жидъ з Умани, зашелъ въ часъ близкій воины до Полтавы и тамъ укуповалъ [2]) лисицѣ, тхоры вощане и иншіе подліе рѣчи яко, убогій и застало его тамъ дѣло воины Хмѣльницкой, гдѣ яко всюду, жидовъ быто, такъ и ему таяжъ смерть мѣла быти, но онъ, еще никому досады не учинивши, зложился крещеніемъ; воспріемникомъ былъ Тимофей Жученко братъ родный Его Милости, пана отца моего и названъ во Св. Крещеніи Семеномъ.

Панъ Петро Забѣла, Судья Генеральный за Брюховецкаго, вдовцемъ будучи, уже по смерти Семеновой Герциковой, пріѣхалъ до Полтавы, хотячи Искрину за себе взяти и сталъ господою въ Герцычки. А кгды Искрыха замужъ пойти не захотѣла, постановивши себѣ до смерти вдовою быти, тогда Забѣло взялъ за себе Герцычку. Павелъ Герцыкъ Семеновичъ сидѣлъ въ рынку Полтавскомъ з крамомъ подлымъ, з голками, шпильками и банками; а же природы былъ цѣкавой, а матка его сподобилася быти женою Пана Петра Забѣлы, за Брюховецкаго Судьи Генеральнаго, а за Самойловича Обознаго Генеральнаго, тогда отъ тоее матки вспоможенъ будучи, а подолстившися и подмоторочившися козакамъ Полтавскимъ, не з заслуги якое военное, але з лукавое омамы, зосталъ Полковникомъ Полтавскимъ и побувши на томъ урядѣ нѣкоторый часъ, вскорѣ скиненный з онаго зосталъ. Его Милость Панъ Жученко, якъ предъ воиною Хмѣльницкаго, будучи въ молодости своей, бывалъ съ роди-

1) Легце важитъ—неуважаетъ
2) Укуповалъ—покупалъ

чемъ своимъ, Паномъ Иваномъ Жукомъ въ хвалебныхъ военныхъ противъ Татаръ оказіяхъ, такъ отъ початку воины неоставляючи жадной службы, многіе подымовалъ працы и понесъ на тѣлѣ своемъ раны, былъ Полковникомъ за Хмѣльницкаго много и написанъ есть Полковникомъ въ статіяхъ Переяславскихъ при Вояринѣ Кн. Трубецкомъ, коли потверженно на Гетманствѣ Юрія Хмѣльницкаго; былъ Полковникомъ за Гетмана Демьяна Многогрѣшнаго; былъ Полковникомъ за Ивана Самоиловича, былъ Полковникомъ за нынѣ счастливежъ пануючаго Е. М. Пана Іоанна Мазепы, въ которыхъ своихъ начальствахъ добрѣ и вѣрнѣ, я къ цнотливому, годится, справовался. А що остатняго его Полковничества Герцыкъ, лукавымъ своимъ намѣреніемъ борючи на него и подбивши нѣкоторыхъ товарищевъ, ложно наводилъ на его напасти, о коихъ и о иншихъ рѣчахъ тое съ доводовъ слушныхъ лжею оказалося и на верхъ его зишла не правда. А и передъ Полковничества своего, Е. М. Панъ Жученко бывалъ на воинахъ съ Гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, якъ въ Польши, такъ и въ нашихъ мѣсцахъ, знаетъ Черкаскую землю, знаетъ и Крымъ, маетъ на тѣлѣ своемъ знаки раны и близны отъ стрѣлъ бусурманскихъ понесенные.

А тую его, Пана Жученка дѣльнисть хиба завистникъ легце поставилъ, же онъ повзятьѣ Многогрѣшнаго, коли Сѣрко з Запорожцами для запалу внутренняго въ Малои Россіи огня, вышелъ было з Низу въ городы Полку Полтавскаго, тогда онъ Сѣрка въ Санжаровѣ з межи народа отважною взялъ рукою и чрезъ всѣ городы препроводилъ въ Батуринъ предъ П. П. Старшину Енеральную, а з Батурина посланъ

онъ Сѣрко, къ Москвѣ, и то кеды мѣли вчатися чрезъ него, Сѣрка, смятенія и разколы межи пародомъ Украинскимъ, то онъ, П. Жученко своею справностью з одномыслнымъ своимъ товариствомъ, тому позабѣглъ, же въ тихоможномъ поведеніи рада подъ козацкою Дубровою отправилася и обранъ зосталъ Гетманомъ Иванъ Самоиловичъ безъ препятье Низовыхъ людей.

Е. М. Панъ отецъ, будучи въ третій разъ Полковникомъ, отправилъ значную услугу военную на Липлянкахъ, опрочь иншихъ же: было тамъ больше 7000 орды Нагайское съ Азовскою, а з нимъ тилько 130 человѣкъ, и такъ, при помощи Божіей, съ коней ссѣвши и тимижъ кони ополчившися, отбился отъ нихъ, многое множество Татаръ побилъ и самъ былъ стрѣлою въ ногу ранный и всѣ товарищѣ не безъ ранъ найдовалися.

Тотъ Панъ Герцыкъ по Черняку въ другои разъ многою мздою, бывшему Гетману самому и сыномъ его приношенною, а помочію Гадячскаго Полковника зоставши Полковникомъ, великіе чинилъ Пану отцеви досады и уничженія, а тутъ же и Пану Искрѣ, ненавидячи его, задавалъ озлобленія, до Гетмана всякими обидами описивалъ и всякаго искалъ часу безчестія и самое смерти.

А панъ Иванъ Ивановичъ Искра незакрито съ продковъ своихъ есть человѣкъ знатный и заслуженный въ войску Запорожскомъ, Читалемъ въ Кроницѣ Лядской у небощика Пана Борковскаго (бо той Острянинъ) же дѣдъ его, въ Голтвѣ отъ Ляховъ осаженный будучи, выигралъ надъ ними звитязство, оттолъ Ляхи съ шкодою своєѣ утекали до Лубенъ, а онъ чинилъ

за нимъ погоню и тамъ, подь Лубнами, Ляхомъ прикрость чинилъ немалую и въ цѣлости своей увойшолъ з людьми своими до Полтавы; а якъ цнотливѣ Царю и Царству Россійскому вѣрность свою сохраняючи, доконалъ живота своего, о томъ люди скажутъ добрые.

А отецъ сего Пана Ивана, Панъ Искра, не въ подлой то былъ знатности, коли Гетманъ Богданъ Хмѣльницкій взялъ у него дочку Евдокію, засвоего сына, по женѣ Аннѣ, Данила. Якую тежъ Великому Государю, Царю Алексѣю Михайловичу въ часъ Гетманства Выговскаго, чинилъ вѣрность и якое былъ сподобился Монарское великой ласки и якимъ способомъ отъ стороны Выговскаго силою бусурманскою подъ Лохвицею, на селѣ Пескахъ, зосталъ обступленный и якою смертію, съ пролитіемъ крови своей, з людьми при немъ будучими пострадалъ живота своего, власне за православнаго Государя Царя достойство, о томъ весь край Украинскій вѣдаетъ, а и самъ онъ, Панъ Иванъ Ивановичъ Искра, по дѣду и отцѣ своемъ працовалъ и служилъ и еще служитъ Великому Государю вѣрно, многіе Татарскіе з отваги своей въ працахъ подвизаючися, отважно за сего, Е. М. Пана Рейментаря привозилъ языки, а въ Инфлянтахъ якъ предъ приходомъ Пана Обидовскаго, при лицѣ Монаршемъ, подъ Ругодевомъ будучи, такъ працовитая была его служба и за прибытіемъ Е. М. Пана Обидовскаго до Пскова и до Печеръ, чи не оказалася его отвага, же онъ при своеѣ справности съ товариствомъ впереду будучи, а встрѣтившися з Шведами з своихъ властныхъ рукъ, изъ своего властнаго мушкета, пулею забилъ начальника Шведскаго, чимъ зразившися Шведы назадъ утекали, свѣдомы о томъ многіе, а

най паче Полтавцы? И когда въ другомъ походѣ онъ, Панъ Иванъ Искра въ Инфляндской землѣ съ полкомъ найдовался, чи неказалъ своея отваги противъ Шведовъ, ломаючи ихъ гуфы подъ Ересферомъ, гдѣ небощикъ, Панъ Пашковскій, при своей отвазѣ, принялъ житія своего кончину; а и зимуючи тамъ, чи неприводилъ часто Шведскихъ языковъ, якіе по указу монаршомъ отосланы до бо...?

И мнѣ, Судіи, на писарствѣ будучомъ Генеральномъ, безъ жадное отъ мене причины, чинилъ Панъ Павелъ Герцыкъ много зла, подъ часъ Петрика, первѣ на Запороже отселѣ забѣглаго, а потомъ з Запорожа до Крыму удавшися, прелесно зоставши онъ Полковникомъ Полтавскимъ по Пану Отцу моемъ, чигавъ на пагубу мою головную, натягаючи измѣны пореченіе, же будто я того Петрика въ той побѣгъ выправилъ. Есть и теперь въ живыхъ человѣкъ певный, который былъ Сотникомъ, якій з онаго поученія, писалъ до него листъ о мнѣ губительный, а онъ прислалъ той листъ до Пана Гетмана, доносячи же будто той Сотникъ самъ собою о моемъ измѣнничемъ дѣлѣ извѣстившися, тѣмъ письмомъ своимъ чинить ему увѣдомленіе, которій то бывшій Сотникъ и теперь лукавое его Герцыково поученіе скажетъ и многіе иншіе отъ него, Герцыка, походили шкодливо лукавіи злости, отъ которыхъ насъ избавилъ Господь Богъ.

Панъ Орликъ, заставши зятемъ Пану Герцыку, вступилъ въ его стремя тестевское, всяко намъ ищучи зла, заслуги Пана Жученка старинніи легце важитъ и подъ ноги топчетъ; Пана Искру, совокупляючися съ Паномъ Григоріемъ Герцыкомъ лаетъ, безчеститъ и въ мовѣ передражнюстъ, всегда на всякомъ

мѣстцу, а особно заѣхавши въ Полтаву, за Полковництва Пана Искры, будто въ гостину, до Пани тещи, чили коли былъ въ Пана Искры на хлѣбъ и на соль прошеный, тогда при очахъ его, съ Паномъ Григоріемъ Герцыкомъ, швагромъ своимъ, доброй пріязни, а то лестно испущали мовы.

А коли были на бенкетѣ у Пана Левенца, то тогда всяко его, Пана Искру и мене, Судію, осуждали, оговаривали, лаяли въ матеры и всяко хулили и уничтожали, о чемъ певныи истинные есть доводы.

Говорилъ легкомыслнѣ Панъ Орликъ о мнѣ, Судіи, хулячи мою въ войску заслугу и давность, же будто больше мовилъ, що будучи писаремъ 12 лѣтъ Генеральнымъ, не умѣлъ писывати, а хочъ и писывалъ, то съ информаціи Панской, а письмъ его, до дурныхъ Москалей писованныхъ, Москалѣ дурныи не постерегали; а онъ тое вѣдалъ въ Польской сторонѣ, що съ письмъ моихъ нѣкоторые Ляхи смѣялися и для того у Пана мои оные писарскіе нрацы будто за годніи заслуги непочитаются, въ чемъ милится Панъ Орликъ, бо я Судія, на писаретвѣ будучи, николи до дурныхъ Москалей ничого непописывалъ, а писовалъ до Пресвѣтлаго Престола Монаршаго и до Синклиту о дѣлѣхъ войсковыхъ въ тые часы настоящіихъ и нѣколи за мои письма жадное оттолъ Панове не было примовки и Его Милость моимъ писарствомъ контентовалася.

А нетилько писаремъ будучи годнѣ, подлугъ силы моей, въ письмахъ працовалемъ, але и предъ писарствомъ, забывшаго Пана Гетмана, врученыи мнѣ были поважніи экспедиціи, же яко до Москвы посланный былъ, безъ мене, если я гдѣ бъ былъ въ отъѣздѣ, по

многу неотправливаны, такъ и до Цареграда посланникъ Московскій и небощикъ Панъ Лисица къ Святѣйшему Патріарсѣ и до иншихъ высокихъ особъ, ждучи повороту моего съ Москвы, жебы въ той выправѣ приложилъ працы, чрезъ певный часъ небыли отправлены.

А и напредъ бывшаго Гетмана, еще за Брѣховецкаго, не отъ всѣхъ меншихъ въ канцеляріи найдовалемся, а за Дорошенка и овшемъ не подлій, коли то Дорошенко на Москвѣ самъ своими словами, подпилый любовнѣ страфовалъ мене такимъ словомъ: Чому то я дочки его невзялъ? а я такои воли его по той часъ не вѣдалъ.

Бывалемъ тежъ и во оказіяхъ военныхъ и Чудновской и инныхъ послѣдуючи, трафилося и кровю помазитися, видѣли очи мои Лиманъ Днѣпровый, Очаковъ, Дунай и Андринополе; перемѣрилемъ Волоскую землю и обозы Турецкихъ войскъ, а нѣчого того не вспоминалъ бымъ, кеди бы не укорялъ насъ Панъ Орликъ з своей родиной.

Приложеніе 5-ое.

ПОСТУНОКЪ.

Року 1704 Декемврія в день святаго Савы, прислалъ Его М. з. Бахмача рибъ свѣжихъ чрезъ Демянка, а за тоею оказіею тотъ Демянко говорилъ Матронѣ на самотѣ, же усильно Панъ жадаетъ, абы для узреняся къ нему прибыла, а обѣцуетъ $^{3}/_{т.}$ червоныхъ золотыхъ. А потомъ того же дня, поворочающися з Бахмача, прислалъ тогожъ Демянка, приказавши наговоровати Мотрону, же Панъ $^{10}/_{т.}$ черв. золотыхъ обѣцуетъ дати, абы тилько такъ учинила; а коли въ томъ

она отговоровалася, тогда просилъ тотъ хлопецъ словомъ Пана своего, щобъ часть волосовъ своихъ урѣзала и послала Пану на жаданье его.

Приложеніе 6-ое.

Поступокъ Христіанской совѣсти.

На день Св. Николая, року 1704 прислалъ Демянка, приказуючи, жебы з нимъ видѣлась дочка моя, а объявилъ тое, же дирка в огородѣ межи честоколомъ, противъ двора Полковницкаго, есть проломана, до которой дирки абы конечне вечеромъ пришла для якогось разговору. Якая присылка частократне бываетъ, якимъ способомъ крайныи намъ учинилися обелга и поруганіе и смертельное безчестіе. Присылаючи, бравъ сорочку ея з тѣла з потомъ килко разъ до себе. Бравъ и на мисто з шиі килько разъ, а для чого, тое его праведная совѣсть знаетъ.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№ .....
..... 193 г.